

Даниэла СТИЛ

РОМАН О СЕМЕЙНЫХ УЗАХ

БЛУДНЫЙ СЫН

Даниэла Стил
Блудный сын
Серия «Великолепная Даниэла Стил»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18046290
Блудный сын / Даниэла Стил: Издательство «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-85658-9

Аннотация

Питер и Майкл – близнецы. Кардинально разные, они становятся заклятыми врагами еще детьми. И даже спустя годы примирение братьев не приводит к покою. Что на самом деле скрывает Майкл? Отбрасывая всякую осторожность, Питер спешит узнать правду. Но то, что он обнаруживает, навсегда меняет не только их жизни, но и жизнь всего города...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Даниэла Стил

Блудный сын

© Войтенко Г. С., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Посвящается моим любимым детям
Бити, Тревору, Тодду, Нику, Сэму, Виктории, Ванессе, Максу и
Заре*

*Грустно, но в мире есть зло: невидимое, неслышное, часто
скрытое, но все же оно есть, – и это мощная сила, с которой
приходится считаться.*

Пусть у вас всегда будет защита от зла, во всех его формах.

*Будьте мудрыми, оставайтесь в безопасности и научитесь
защищаться от тех людей, которые желают вам зла.*

*Пусть всю вашу жизнь вас окружают только доброта и
сердечность.*

*Пусть доброта станет главной в вашей жизни. Добро гораздо
сильнее зла.*

И пусть моя безграничная любовь согреет вас в дни печали.

С любовью,

Мама

*«...брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и найден»
Евангелие от Луки 15:32*

Глава 1

Питер Макдауэл сидел в своем кабинете, окруженный банковскими картонными коробками. Худшая неделя в его жизни наконец-то подошла к концу. Прошедший месяц стал сущим кошмаром не только для него, но и для всех «белых воротничков» с Уолл-стрит. Питер сидел за своим рабочим столом, уставившись в экран монитора. Он занимался этим все последние пять дней. Сегодня была пятница, 10 октября 2008 года, а цены на акции падали с понедельника. Это был худший обвал фондового рынка со времен Великой депрессии.

За последние несколько недель произошли катастрофические события, в результате которых картонный домик рухнул. Двадцать шесть дней тому назад «Леман Бразерз», один из старейших и наиболее уважаемых инвестиционных банков, объявил о своем банкротстве, оглушив своим заявлением весь финансовый мир. Еще более потрясаяще прозвучал отказ правительства спасти банк, несмотря на то что прошло всего шесть месяцев, как поддержка была оказана другому банку, «Беар Стернз», купленному «Джей Пи Морган Чейз». Перед историческим заявлением «Леман Бразерз» Национальный Банк Америки официально подтвердил сведения, что государство выкупило акции не менее почтенной и уважаемой компании «Мерил Линч». Инвестиционные банки и финансовые институты по всей Уолл-стрит шатались, словно пьяные, а несколько более мелких банков уже закрылись. На следующий день после того как «Леман Бразерз» заявил о своем банкротстве, крупнейшая страховая компания страны потеряла 95 процентов своей стоимости, а шесть дней спустя пропала из индекса Доу-Джонса¹.

Шатаясь вместе со всеми от ежедневных тревожных сообщений, «Уитмен Бродбанк», инвестиционный банк, где работал и совершил стремительную карьеру Питер Макдауэл, объявил, что тоже закрывается. Питера поставили в известность три дня тому назад, когда на фондовом рынке продолжалось падение акций. Он сидел, прислонившись лбом к коробкам, и пока не мог осознать происходящего. Сегодня в 6.00 в здании, как обычно, закроют двери. А за Питером двери захлопнутся навсегда. Золотой карьере брокера конец, как и его знаменитым предельно рискованным инвестициям, которые неизменно заканчивались выдающимися результатами. Он укладывал сейчас в коробки все, что осталось в его кабинете. Накануне вечером он рассказал о случившемся своей жене Алане и их мальчикам, Райану и Бену.

– Что это значит, папа? – забеспокоился Райан. Ему было четырнадцать лет, и Питер не решился перечислить все те изменения, которые ожидали их семью. Им придется все продать. От фирмы они взяли все, что только было возможно. Акции, которые Питер очень часто и с удовольствием приобретал взамен прибыли или заработной платы и которые сейчас составляли большую часть его личного состояния, превратились в бесполезные бумажки. О доме в Хэмптоне теперь можно было забыть. Они больше не смогут пользоваться самолетом, который брали в аренду на условиях «таймшер»², лишатся личного пентхауса на Пятой авеню, не будет больше частных школ, кредитных карт, «Феррари», которым он забавлялся по выходным и на котором любили прокатиться его мальчишки. Придется продать «Бентли», принадлежащий Алане, и последнюю модель «Роллс-Ройса». Все это были дорогие несерьезные игрушки, которые символизировали успех Питера. Самое главное: безопасность и привычный образ жизни целой семьи растаяли в воздухе. Все инвестиции Питер вкладывал

¹ Индекс Доу-Джонса – средний показатель курсов акций крупнейших компаний США, публикуемый фирмой Dow-Jones company с конца 19-го века.

² Таймшер – право одного из владельцев многовладельческой собственности на использование самой собственности в отведенные ему участки времени.

в «Уитмен Бродбанк», и ужас заключался в том, что все это пошло прахом из-за обвала ценных бумаг на фондовой бирже, продолжавшегося последние пять дней.

Не осталось практически ничего, вернее – так мало, что на это вряд ли можно было рассчитывать. Экономика летела в тартарары, и Питер понимал, что в его жизни изменится все, за исключением брака и его сыновей. Алана мучительно молчала, глядя на него не моргая, когда он объяснял семье, что же произошло. Правда, даже сам он не мог до конца осознать глубину и масштабы катастрофы. Никто не мог. Накануне Исландия объявила себя банкротом и закрыла фондовый рынок, и другие страны мира в панике наблюдали за падением и развалом американского фондового рынка.

Питеру наконец-то удалось оторвать глаза от экрана, на который он, как загипнотизированный, глазел всю неделю. Его секретарша покинула офис еще утром, и в коридорах зависла тишина. Другие делали то же, что и он – упаковывали свои личные вещи в коробки и сносили их вниз. Для всех наступил конец их карьеры и, как результат, начались радикальные изменения в жизни.

Питер встал и бросил одну из коробок к дверям. Он с трудом представлял, что ему теперь делать с работой. Людей увольняли налево и направо, и на оставшиеся рабочие места претендовали сотни суперквалифицированных кандидатов. Из-за перестановок в финансовой игре тысячи людей остались без места, и Питер был не лучше остальных. В течение двадцати одного года он был звездой, и все потому, что сразу после окончания бизнес-школы прицепил свой вагон к звездному составу «Уитмен Бродбанка». Тогда ему было двадцать пять. Теперь ему сорок шесть лет, он остался без работы и практически без гроша в кармане. То же самое происходило со всеми, кого он знал, за исключением немногих счастливиц, которые пережили волну увольнений за последний месяц. Не было ни одного человека, которого бы не затронул кризис.

В течение многих лет Питер мог похвастаться почти каждой своей сделкой, но не в этот раз. На этот раз он сорвался со всеми вместе. Удача его покинула. Он никак не ожидал, что так бесславно закончится его карьера. Впрочем, до пенсии еще далеко, и он не собирался сдаваться. Он был готов сделать все, чтобы навести порядок, потуже затянуть ремень, и он знал, что рано или поздно вернется. Он просто понятия не имел, когда именно это произойдет и как этого добиться. Да, наступили трудные времена. Он предупредил об этом Алану и мальчиков. В эти выходные они выставят объявление о продаже дома в Хэмптоне и квартиры в Нью-Йорке, хотя цены на недвижимость уже поползли вниз, и ожидалось их более резкое падение. Он выжмет все, что только можно будет получить от продажи. И как только квартира в Нью-Йорке будет продана, он должен будет продумать, где им приютиться. Он знал, что, пока семья вместе, у них все будет хорошо.

Им придется пережить это страшное время перемен и определить, что делать и в какую сторону двигаться дальше. Питер подумывал о том, как бы получить работу в небольшом местном банке, где-нибудь за пределами Нью-Йорка, и вернуться на Уолл-стрит, когда ситуация в экономике снова стабилизируется. Он вырос в маленьком городке штата Массачусетс и понимал, что, возможно, ему придется на некоторое время покинуть Нью-Йорк и начать все с нуля. Всю неделю он не мог уснуть, каждую ночь думая об этом. Весь его багаж на данный момент – это куча обесцененных акций и совсем немного наличных денег.

Он настоял на том, чтобы на этой неделе Алана отпустила домой пораньше проживавшую у них семейную пару, помогающую им по хозяйству. Питеру и Алане теперь придется экономить каждую копейку. Экономка и ее муж отнеслись к этому решению с пониманием – некоторые из их друзей были в такой же ситуации, но им самим хватило ума не держать свои сбережения в банковских ценных бумагах. Питер улыбнулся, подумав про себя, что по иронии судьбы их помощники по хозяйству, вероятно, находятся сейчас в лучшем финансовом положении, чем он сам. Когда-то давно Питер пытался заставить их вкладывать свои

деньги, но они отмахивались, твердили, что не доверяют банкам и инвестиционным компаниям. Все свои сбережения они хранили в коробке в хрустящих зеленых банкнотах, которые сейчас были вне конкуренции.

Питер спустился вниз на лифте, держа две коробки в руках, вместе с двумя младшими партнерами банка, один из которых, казалось, вот-вот расплатится. Как и большинство, он был уничтожен. Партнеры и сотрудники, крепко стоявшие на вершине мира всего несколько месяцев тому назад, упали на землю. Питер называл это «Горки и лесенки»³ жизни. Всего минута – и ты высоко наверху, в стратосфере, а в следующую минуту ты шлепаешься голой задницей о самое дно. Раньше с ним такого никогда не случалось.

– Не сдавайтесь, Маршалл, – подбодрил Питер одного из мужчин. – Мы вернемся.

– Я собираюсь вернуться в Огайо, – убитым голосом ответил младший партнер. – Буду работать у отца на фабрике. Все, что у меня было, хранилось в ценных бумагах «Брод-банка». – В аналогичной ситуации находились большинство из них. И даже те, у кого были другие акции, знали, что они в настоящее время тоже ничего не стоят.

– Мы все в одной лодке, – сказал Питер. Он решил смотреть позитивно на нынешнюю ситуацию, хотя сам неоднократно в течение последней недели впадал в паническое состояние, лежа без сна темными ночами. Но, в конце концов, должен появиться свет в конце туннеля, даже если сейчас они летели в пустоту. Он отказывался становиться жертвой обстоятельств. Сейчас все было плохо, но наступит момент, когда все будет хорошо.

Лифт остановился на первом этаже, Питер кивком головы попрощался с коллегами и направился к своей машине. Он поставил коробки на заднее сиденье припаркованного на улице авто. Сегодня он взял «Вольво-универсал», на котором обычно по их поручениям ездила экономка. В конце этой недели он планировал выставить все свои автомобили на крутом аукционе элитных подержанных машин. Сейчас рынок будет заполнен дорогими машинами, но Питер будет рад получить любую сумму от продажи. На этой неделе он уже дал объявление в Интернете о продаже «Феррари». Алана расплакалась, когда он сказал ей, что она должна отказаться от своего «Бентли». В данный момент в их жизни нет места роскоши.

Потом он вернулся, спустил вниз еще четыре коробки и в последний раз поднялся посмотреть на свой офис. Интересно, когда у него снова появится такой же роскошный кабинет, как этот. Может быть, никогда. Может быть, ему не суждено вернуться. Может быть, действительно все было кончено, и произошло то, чего все так боялись. Он почувствовал, как на него накатила волна ужаса. Он повернулся и вышел. Потом он помедлил, чтобы попрощаться с двумя своими партнерами, заглянул в их кабинеты, но те уже ушли. На следующей неделе они еще увидятся, когда будут обсуждать процедуру банкротства, но сейчас все бежали с тонущего корабля, и каждый беспокоился только о себе.

Питер последний раз молча спускался вниз на лифте. Он был высоким мужчиной спортивного вида и выглядел моложе своих лет. Он много играл в теннис по выходным, занимался с тренером в тренажерном зале, который оборудовал в квартире, и был худой и стройный. В его светлых волосах песочного цвета проскользнули несколько незаметных седых прядей. Он идеально соответствовал образу хорошего американского парня, живущего по соседству. Всю свою жизнь, или, по крайней мере, последние годы, он был воплощением «золотого мальчика». За прошедшие годы он стал живым олицетворением успеха. Впрочем, так было не всегда. В юности он считал себя неудачником, и на него все так и смотрели. Про таких обычно говорили: «В семье не без урода». Его все время сравнивали с совершен-

³ «Змеи и лестницы» или «Горки и лестницы» – популярная во всем мире настольная игра – родом из Индии. Изначально предназначалась для занятий по религии. Умудренные старцы в игровой форме объясняли базовые принципы джайнской религии. Хорошее поведение и праведные поступки – лестницы, ведущие вверх, а неправильное поведение и ложно выбранный путь – змеи, ведущие вниз.

ным во всех отношениях братом-близнецом, к которому родители относились с почтением. С точки зрения любого родителя, Питер был кошмаром – яркий красивый мальчик, который вызывающе вел себя в школе и постоянно попадал в неприятности. Из-за плохого поведения или из-за ужасных отметок его то исключали из школы, то брали на испытательный срок. Дислексия, которую официально тогда так и не диагностировали, практически уничтожила его детство. Одноклассники обзывали его тупицей, а у учителей опускались руки, и в конце концов они сдались. Ни Питер, ни его родители не могли понять, почему ему так трудно было учиться в школе.

Его родители были образованными и умными людьми, и Питер, казалось, тоже должен быть умным развитым ребенком, поэтому его постоянно обвиняли в том, что он не старается, ленится, и наказывали за несделанные домашние задания. Сам Питер не мог объяснить, почему буквы на страницах и объяснения, которые ему давали учителя, не имели для него никакого смысла. Он дрался с мальчишками, которые подсмеивались над ним. В младших классах было обычным делом, когда он возвращался из школы в порванной рубашке и с синяком под глазом, а то и похуже. В средней школе он напускал на себя безразличный вид, носил маску враждебности и высокомерия, чтобы скрыть горечь неудач в учебе и разочарование в себе, которые он испытывал. А в то же время его брат Майкл рос образцовым во всех отношениях мальчиком. Внешне он не был так ослепительно хорош, как Питер, да и вообще с внешностью ему не так повезло. Он был меньше ростом, более коренастым, спокойнее и не обладал такой харизмой, как Питер. Их мать всегда говорила, что Питер легко мог бы стать звездой, достаточно было бы просто делать домашнее задание и хорошо себя вести. Майкл же всегда был обстоятельным и вежливым, посвящал все свое свободное время учебе и добивался выдающихся результатов неусыпным трудом. У родителей никогда не было поводов беспокоиться о Майкле. Вот Питер – другое дело! Он каждый раз своими неудачами приводил их в сильнейшее расстройство. А Майкл всегда спокойно стоял в сторонке, всем своим видом указывая на неспособность Питера оправдать их ожидания, и прежде всего – научиться контролировать себя. Когда никто не видел, Майкл подначивал Питера, чтобы тот потерял самообладание, и в тех редких случаях, когда Майкл шалил, он всегда сваливал вину на брата. Родители и учителя легко верили в невиновность Майкла и чаще всего считали Питера виновником очередной катастрофы. К тому времени, как они окончили среднюю школу, родители Питера пребывали в отчаянии – детские истерики маленького Питера перешли в проявление подростковой ярости, базировавшееся на едва выносимом разочаровании и отчаянии, в которых он пребывал в течение восемнадцати лет. Он не смог добиться признания мало-мальских достоинств и одобрения ни со стороны своих родителей, ни кого-либо еще, поэтому бросил попытки завоевать их расположение, равно как и не надеялся оправдать их ожидания. К этому моменту они с братом были уже заклятыми врагами. Питер считал его причиной многих бед, которые преследовали его. Питер так и не смог стать равным Майклу. Каково же было изумление родных и учителей, когда Питер собрался и поступил в колледж! Ему повезло: в средней школе был один учитель от бога, который дал парню прекрасную письменную рекомендацию. В ней учитель настаивал на том, что, несмотря на плохие оценки и непростую школьную карьеру его подопечного, Питер всегда был и остается удивительно ярким, творческим молодым человеком. В один прекрасный день он преодолеет свои проблемы. Учитель назвал его «запоздалым цветком», и то было самое доброе слово, когда-либо сказанное кем-либо о Питере. В завершение письма учитель заверил колледж (в который Питера все-таки приняли), что наступит тот день, когда преподаватели будут гордиться своим учеником.

В колледже жизнь Питера резко изменилась. Один английский профессор проявил к нему глубокий интерес, почувствовав, что его более ранние плохие отметки были получены не из-за лени. Он послал Питера на сложное обследование в учебный центр. Как призрак

из тумана, которого раньше никто не видел и о котором никто до этого не подозревал, но который причинил ему столько боли, перед Питером возникла дислексия. Ему был поставлен окончательный диагноз. Английский профессор, который послал его на обследование, стал его наставником и лично обучал его все четыре года. Результаты были невероятными, а сам Питер был поражен тем, что он мог теперь делать. Больше всего он хотел произвести впечатление на своих родителей и добиться того одобрения, которое на протяжении многих лет получал только его брат. Но к тому моменту единственное, на что были способны его родители, когда речь шла о Питере, – почувствовать облегчение. А Майкл, чей недостижимый образ великолепного и неповторимого образцового сына грозил упасть с пьедестала, благодаря новому образу отличника-Питера, сразу же указал на то, что все успехи брата в колледже были еще одним подтверждением тому, насколько ленив и туп Питер был все предыдущие годы. Если он может получать хорошие оценки в колледже, почему он не делал это раньше в школе? Парализующее действие дислексии на раннюю жизнь Питера было больше, чем его родители могли осознать. Он не заметил, что их отношение к нему стало более теплым, и они не стали счастливее, чем прежде. Из-за своего дикого, агрессивного поведения и частых проявлений бешенства Питер сжег слишком много мостов, когда был мальчиком. Но чем больше они в него не верили, тем крепче в нем становилась решимость добиться успеха, как только он закончит колледж, и показать им раз и навсегда, на что он был способен. Вдруг он загорелся желанием доказать всем свою состоятельность и стать настоящей звездой. Когда он был мальчиком, его мать верила, что он способен на это. Но те дни давно сгинули вместе с ее верой в сына.

Его последующий успех в бизнес-школе и головокружительный взлет на Уолл-стрит не стал неожиданностью для тех, кто воспитывал его в колледже. Они обнаружили у него невероятно сильную мотивацию и драйв. Это стало неожиданностью только для его брата и родителей, которые продолжали вести себя так, будто ожидали, что в любой момент к ним вернется та головная боль, которую он причинял им в детстве. Завоевать их доверие он уже не мог, и Питер по-прежнему был убежден, что Майкл усугубляет их страхи о нем и оживляет в памяти все те неприятности, которые он им так долго доставлял. «Люди не меняются», – часто заверял их Майкл, и, хотя его родители хотели, чтобы у Питера все было, их вера была слишком подорвана, а их отношения с ним слишком напряженными к тому времени, когда он переехал в Нью-Йорк. Их жизнь с Майклом всегда была гораздо проще, с первого дня, как он родился. Питер навсегда остался для них проблемой, а Майкла они считали идеальным сыном. Как мог Питер с этим справиться? Это было слишком болезненно для него, поэтому после окончания колледжа он ездил домой редко, особенно когда понял – особых надежд на него они не возлагают даже теперь. Только Майклу они всегда верили и только с ним связывали свои чаяния, а почему бы и нет? Он был прекрасным мальчиком, который замечательно себя вел и делал то, что они от него ожидали. Он не возвращался каждый день из школы с объяснительной запиской или окровавленным носом. Майкл поддерживал их заблуждения о Питере, напоминая родителям, что люди не меняются, и они верили ему. Когда мальчишки стали взрослыми, у Майкла сложились более прочные отношения с родителями, и он был гораздо больше похож на них. Он поступил в медицинскую школу, как и отец, что в последующем укрепило их отношения. И после короткой карьеры в качестве анестезиолога в Бостоне он в конечном счете занял место своего отца. «Доктор Пэт», их отец, был милым, всеми обожаемым сельским врачом. Отказавшись от мечты работать анестезиологом в большом городе, Майкл вернулся в лоно своей семьи, чтобы работать рядом с отцом и в конце концов взять на себя его практику. Работая бок о бок, он перенял манеры отца, со временем стал таким же милым доктором Айболитом, стремясь помочь каждому нуждающемуся в небольшом городке штата Массачусетс. В конце концов, оказалось, что эта роль хорошо подходит Майклу. Пациенты считали его даже более приятным, чем его

отца, Майкл ко всем умел найти подход – как к детям, так и к пожилым людям. Он проявлял безграничное терпение и сострадание ко всем своим пациентам и щедро одаривал всех своим вниманием.

К тому времени, когда Майкл начал практиковать вместе с отцом, Питер уже был асом на Уолл-стрит и редко приезжал домой. Он отказался от попыток изменить мнение своих родителей о себе, и его отношения с братом-близнецом были безнадежно испорчены. Майкл причинил ему слишком много горя, и они слишком часто ссорились. Питер обвинял брата в манипулировании, ведь в большей степени именно из-за него у родителей сложилось неправильное мнение о Питере. Майкл слишком долго и энергично добивался этого. Пропасть между Питером и его семьей была непреодолима, и он направил свою энергию в другое русло. Он начал зарабатывать деньги и стал легендой на Уолл-стрит не для них, а для себя. Он сказал себе, что их мнение не имеет для него никакого значения, и его это больше вообще не волнует. Проявляя к ним равнодушие и навещая их как можно реже, он перестал беречь старые раны. Забвение было целительным бальзамом его сердца, наградой за годы обиды. Когда он приезжал домой навестить их, его все продолжало раздражать. Майкл делал вид, что он является пострадавшей стороной, хотя все было с точностью до наоборот. Питера обвиняли во всех грехах, даже если это было незаслуженно. Майкл всегда был молчаливым свидетелем.

Один из самых страшных случаев, который Питер помнил из своего детства, произошел, когда им было по двенадцать лет. У мальчиков на двоих была одна собака по кличке Скаут, мохнатая дворняга, помесь хаски и золотистого ретривера. Он был почти полностью белым и чем-то смахивал на волка. Большую часть времени пес таскался за Питером. Он-то и взял пса в поход на реку, куда они отправились с друзьями семьи в то лето, когда им исполнилось двенадцать. Когда семьи погрузились в лодки, Скаут бегал по берегу и лаял. А потом бросился догонять лодку Питера вплавь и держался всего в нескольких футах от их лодок, когда его стало сносить течением. Майкл был ближе всех от собаки. Он сидел в небольшой надувной лодке, и Питер закричал ему, чтобы брат схватил Скаута за ошейник и поднял его на борт, но Майкл молча смотрел и позволил собаке проплыть мимо и даже не протянул руки. Скаут погиб, попав в водопад, несмотря на отчаянные усилия Питера догнать его. Питер был убит горем и не мог говорить о Скауте без слез. А когда они пришли домой, Майкл сказал своим родителям, что собака утонула по вине Питера. Питер был слишком опустошен, чтобы возражать или попытаться объяснить случившееся. Так или иначе, родители никогда не слушали его, только Майкла, даже тогда. Питер так и не простил брату этой лжи. Семья оплакивала собаку в течение нескольких месяцев, и после этого трагического случая Питер никогда больше не захотел завести другую собаку. Независимо от того, что Майкл сказал своим родителям, оба мальчика знали правду. Их родители слишком хотели верить святому Майклу, а не Питеру, который на его фоне казался дьяволом. Майкл делал вид, что переживает, но на самом деле смерть четвероногого друга стала невосполнимой утратой для Питера. Даже когда он повзрослел и стал жить отдельно, его бедное сердце ныло каждый раз, когда он вспоминал о Скауте.

Опыт, который Питер получил в детстве, придал ему решимости, и он справился со всеми трудностями и испытаниями самостоятельно, без чьей-либо помощи. И ему удивительно везло, до тех пор, пока весь его мир не рухнул. В течение двадцати лет и до сегодняшнего дня Питер был экспертом в своей области. Он заработал денег больше, чем когда-либо мечтал. Его мать следила за его достижениями, читая о них в деловой прессе. Она была счастлива за сына, хотя иногда ей было трудно в это поверить. Приняв во внимание то, что они узнавали из газет про ошеломительный успех в карьере Питера, его родители спокойно решили, что нет никакого смысла оставлять ему те небольшие сбережения, которые им удалось скопить. Майкл нуждался в них гораздо больше, чем его сказочно успешный близнец.

Майкл был земским врачом, у него была жена и двое детей, и он едва сводил концы с концами. К тому времени Питер еще не был женат, и у него было больше денег, чем ему, возможно, требовалось. В качестве символического жеста они оставили Питеру их небольшой летний домик на близлежащем озере.

В своем длинном письме незадолго до смерти отец объяснил, что оставлять деньги Питеру было сродни тому, чтобы отправлять уголь в Ньюкасл, и, в любом случае, у них нет больших сбережений. А Майкл был стеснен в средствах. В связи с этим они оставляли Майклу их дом в Вэр, медицинскую практику Пэта и все, что им удалось накопить. В письме говорилось, что они рады и гордятся тем, что Питеру ничего от них не нужно. Они надеялись, что он будет рад получить домик на озере в знак их любви к нему.

После смерти отца между братьями произошел неприятный обмен упреками, который повторился через год, когда умерла их мать. Питер обвинил своего брата в том, что он вертел родителями как марионетками и всю жизнь, до самого конца, настраивал их против него.

Питер так ни разу и не съездил посмотреть домик на озере после вступления в наследство. Он платил небольшие деньги местному риелтору, чтобы тот поддерживал его недвижимость в хорошем состоянии. Именно там он проводил в детстве свои летние каникулы. У него никогда не лежало сердце к тому, чтобы продать его, тем более что стоил дом сущие копейки. Его ценность заключалась в основном в сентиментальных воспоминаниях. С ним были связаны его единственные приятные воспоминания детства. Но с тех пор, все эти годы, Питеру больше нечего было сказать своему брату. В настоящее время они были врагами и чужими людьми друг для друга. Постоянная грубая ложь брата, когда они были детьми, с целью сделать Питера единственным виновником в совершенных преступлениях, в конечном счете уничтожила в Питере желание принимать участие в жизни родственников и веру родителей в него. Только один раз он приехал, чтобы застать свою мать живой и проститься с ней на смертном одре. Теперь он чувствовал себя виноватым, сознавая, что должен был сделать больше, чтобы возместить родителям нанесенный им в детстве ущерб. Но Майкл был настроен твердо и слишком нацелен на то, чтобы выкинуть Питера из всего, особенно из сердца родителей, а не только из их завещания, и ему это удалось. Питер так и не сумел завоевать их любовь после неудач в молодости. Свою мать он расстраивал, а отец никогда не пытался понять его. Совместная медицинская карьера с Майклом привела к тому, что у них с родителями появилось много общего, а Питеру так и не удалось наладить тесную душевную связь с отцом. Питер всегда был для него лишь разочарованием и проблемой. Пятнадцать лет Питер не приезжал домой, не поддерживал связи со своим братом и не жалел об этом. Это было частью его жизни и мучительным прошлым, которое он никогда не хотел бы пережить вновь. И уж тем более не сейчас, когда он вдруг снова превратился в неудачника. Сейчас вновь успех пришел к Майклу, который вел размеренную жизнь в провинциальном городке, был сельским доктором, которого все обожали. Питер слышал об этом каждый раз, когда случайно встречался с кем-то из жителей, с кем вырос и кто за последние годы переехал в Нью-Йорк. О, этот «Святой Майкл», который со дня их рождения был его заклятым врагом! Он постоянно вбивал клин между родителями и Питером. В этом было стыдно признаться сейчас, но в течение многих лет Питер ненавидел его и теперь не имел ни малейшего желания когда – либо увидеть его снова.

Майкл ревностно следил за тем, чтобы все, кто знал их и даже родители, относились бы к Питеру как к «плохому парню». И только Богу известно, что он скажет сейчас о нем, если услышит о закрытии «Уитмен Бродбанк» и о том, что жизнь Питера сделала крутой поворот. Возможно, он позлорадствует, скажет, что брат это заслужил. Майкл сопереживал и сочувствовал всем в мире, кроме своего брата-близнеца. Майкла пожирала ревность по отношению к брату. Когда они были молоды, отец называл их Каин и Авель, и сказал, что он бы не удивился, если бы они поубивали друг друга. Но этого не случилось. Питер просто

взлетел и проложил себе путь в совершенно другом мире. Его мир рухнул и остались щепки, как от лачуги в слаборазвитой стране во время землетрясения.

Питер припарковал машину перед жилым домом на Пятой авеню, открыл багажник и показал швейцару коробки, который сказал, что отправит их наверх с портье. Питер опустил ему в руку двадцать долларов и направился внутрь здания. До швейцара уже дошли слухи, что в ближайшее время квартиру собираются выставить на продажу. Ему сказала об этом экономка Питера, недавно съехавшая из квартиры. Ему было жаль семью Макдауэлов. В самом городе и за его пределами было достаточно людей, жизнь которых также поменяется. Все шишки финансового мира в одночасье попали под разрушительное влияние кризиса. Некоторые из них в свое время вложили свои средства в более удачные инвестиции или работали в фирмах, которые пока держались на плаву или были спасены. Но для партнеров и сотрудников «Леман Бразерз», «Уитмен Бродбанк» и фирм, банков и организаций, которые были закрыты, привычной жизни пришел конец.

Питер открыл дверь в свою квартиру и пошел искать Алану. Погода стояла теплая, и она лежала в шезлонге на террасе, разговаривая по мобильному телефону. Она закончила разговор, как только увидела его. Ей было невыносимо тяжело сейчас смотреть ему в глаза. В них было так много боли, и, казалось, вокруг них витал едкий запах поражения. Сейчас ее пугала встреча с ним. Она боялась услышать от него очередную кошмарную новость. Она с ужасом посмотрела на него, когда он нежно положил руку на ее голову. Они были женаты в течение пятнадцати лет.

Он познакомился с ней сразу после смерти родителей и женился спустя несколько месяцев, ослепленный ее красотой. Тогда ему было тридцать один, и он уже был невероятно успешен. Алане было двадцать три года, она только что закончила Университет Южной Калифорнии, и, когда они повстречались, Питер подумал, что она была самой красивой девушкой, которую он когда-либо видел. Она была единственным ребенком в семье Гэри Таллона, одного из крупнейших музыкальных продюсеров в Голливуде. Ее отец начал свою карьеру с «Битлз», он сильно возмущался и был ужасно недоволен, когда Алана переехала в Нью-Йорк и вышла замуж за Питера. Тесть потратил годы, пытаясь убедить своего зятя переехать в Лос-Анджелес и прийти к нему на работу. Но это был тот мир и город, который не привлекал Питера. Лихорадочность финансового мира стала для него наркотиком, к которому он пристрастился. Питер абсолютно ничего не знал о музыкальном бизнесе. Мишура Голливуда и деятельность отца жены были совершенно чужды ему, хотя он прекрасно понимал, что Алана не перестает скучать по всему этому. Она регулярно летала к отцу в Лос-Анджелес и брала с собой мальчиков. Ее мать умерла, когда ей было пятнадцать, поэтому у нее были невероятно тесные отношения с отцом. Питер нравился Гэри, но все-таки зять был для него животным неизвестной породы, и на протяжении многих лет Гэри относился к нему со здоровой подозрительностью. Питер оказался человеком консервативных взглядов и поведения, но его тесть был очень хорошо осведомлен о тех огромных рисках, которые зять предпринимал в бизнесе. Они всегда приносили ему и его инвесторам отличный результат. За все эти годы его тесть удачно вложил с его помощью несколько миллионов долларов и хорошо заработал на этих инвестициях. До настоящего времени. Он все это потерял, когда «Уитмен Бродбанк» объявил о своем банкротстве. Для него это была лишь игра в деньги, поэтому кризис никак не повлияет на его дальнейшую жизнь, но он продолжал каждый день звонить дочери и узнавать про планы Питера. До сих пор она могла сказать ему только то, что Питер планирует все продать. Отца это ничуть не удивляло. Он знал, насколько трудным было состояние Питера, который все свои деньги держал в акциях фирмы. Если так пойдет дальше, у зятя почти ничего не останется. Это не было для Гэри тайной, как и для других игроков рынка. Никто не ожидал, что такое произойдет. У Питера почти не было оборотных

средств, которые сейчас сработали бы как подушка безопасности, и слишком мало других инвестиций. Он больше всего заботился о своих клиентах.

– Ну, вот и все. Все кончено, – сказал Питер, сев в шезлонг рядом с ней. Он был мрачен. – Я принес все свои вещи домой. Двадцать один год в шести коробках. – Было видно, что ему больно говорить это. Бесславный конец блестящей карьеры, по крайней мере, пока. Он рвался в бой, но в данном случае не с кем было сражаться. – Я должен завтра съездить в Саутгемптон и встретиться с риелтором, выставлю на аукцион свой автомобиль. Ты можешь поехать на «Бентли» следом за мной и потом отвезти меня домой. Кстати, собираюсь продать твою машину на следующей неделе.

«Феррари» стоял около дома в Хэмптоне, и Питер планировал его тоже отдать дилеру. В начале недели он аннулировал договор об аренде самолета, заплатив огромный штраф, который, тем не менее, был гораздо меньше, чем те расходы, которые он больше не мог себе позволить. У Аланы перехватило дыхание, когда она посмотрела на мужа. Сейчас ей было тридцать восемь лет, и она была так же прекрасна, как и тогда, когда ей было двадцать три, а может быть, даже прекраснее. Она знала все про бизнес своего отца и почти ничего – про дела Питера. Мир финансов казался ей скучным. Гораздо интереснее было крутиться в Лос-Анджелесе, когда Стиви Уандер или Мик Джаггер приезжали поужинать к ее отцу. Она выросла в окружении этих людей. Питер всегда знал, что его родители посчитали бы ее избалованной, так как она выросла в атмосфере суеты и жизни «напоказ», которые были чужды их маленькому консервативному городку. Но Питер также был уверен, что в ней было гораздо больше качеств, которые его родители смогли бы оценить по достоинству. Она была умной и красивой, была хорошей матерью для их мальчиков и любящей женой. Она всегда с готовностью встречала его коллег-инвесторов и организовывала запоминающиеся вечеринки, когда они с Питером их развлекали. Отец отправил ее в школу-интернат в Европу, где она проучилась два года – в результате Алана свободно говорила по-французски и по-испански. Своих мальчиков она отправила в Лицей, поэтому они тоже говорили по-французски. Она входила в состав правления Джульямской школы⁴ и Музея Метрополитен. Прежде чем она вышла замуж за Питера, Алана хотела стать театральным агентом, но вместо этого стала его женой. И после пятнадцати лет совместной жизни он все еще был в нее влюблен.

Алана была эффектной женщиной, ухоженной, с фигурой модели и, благодаря Питеру, всегда дорого одета. Его жене не пришлось привыкать к роскоши и деньгам. У нее никогда ни в чем не было нужды. Всю любовь, которую Гэри некогда расточал на свою жену, после ее смерти, когда они с дочкой остались вдвоем, он выплеснул на Алану. Еще до того дня как Питер женился на Алане, Гэри сказал ему, что если Питер когда-нибудь разобьет ее сердце, то он найдет и убьет его. Питер не сомневался, что он так и сделает. Он был немного грубоват, но при этом был блестящим бизнесменом и имел невероятный талант и чутье в области музыкального бизнеса, в котором Гэри, бесспорно, был королем.

– Мне очень жаль, – посочувствовала Алана и посмотрела на мужа. Она знала, как ему сейчас было трудно, но ей и мальчикам было не лучше, особенно когда стало очевидно, что в их жизни должны произойти серьезные изменения. Она понятия не имела, где им придется жить. Питер тоже не знал, и ему было страшно за всю семью. Алану совсем не радовала перспектива остаться без гроша в Нью-Йорке. Она ни одной минуты в своей жизни не нуждалась в деньгах. Ее отец обладал способностью превращать в золото все, к чему он прикасался. В вопросах бизнеса он был непревзойденным экспертом. Ему ни разу не пришлось пережить того, что только что произошло с Питером. Она протянула руку и дотронулась до руки мужа. Он печально улыбнулся ей.

⁴ Джульямская школа – одно из крупнейших американских высших учебных заведений в области искусства и музыки. Расположена в нью-йоркском Линкольн-центре.

– Мне тоже жаль. Рано или поздно мы по крупицам снова восстановим наше благо-
состояние. Склеим то, что разбилось вдребезги. Я обещаю. Просто некоторое время будет
немного неясная ситуация, – он тоже пытался осознать происходящее, проговаривая вслух. –
По крайней мере, дорогая, мы вместе. – Именно это сейчас было самым важным для него.
Алана и их дети. Положение было тяжелым, но это не какая-то там трагедия, просто очень
сложный период, который надо было пройти и построить жизнь заново.

Она заглянула Питеру в глаза.

– Я разговаривала с папой сегодня и думаю, что у него есть довольно хорошая идея, –
сказала она, стараясь выглядеть оптимистично. Она знала, что будет нелегко убедить Питера.
Он был гордым человеком. Происходящее было тяжелым ударом для него, и он никогда не
мечтал о Лос-Анджелесе. Для него этот город был чужой территорией, находившейся слиш-
ком далеко от Нью – Йорка, который всегда был центром его карьеры. Но теперь все измени-
лось. Она не хочет, чтобы их сыновья жили в нищете, пока Питер будет бороться за жизнь. –
Он считает, что нам следует уехать отсюда и перебраться на какое-то время к нему. Говорит,
что мы можем занять гостевой домик. – Дом, о котором она сейчас говорила, был больше
любого из большинства жилых домов в Хэмптоне, и Питер знал, что их там ожидает – армия
прислуги, богатство, которое только можно вообразить, и парк шикарных автомобилей.

Ее отец всегда был очень щедрым по отношению к ним, но Питер не хотел быть ему
обязанным и никогда не был. Существовал только единственный способ, чтобы выжить
рядом с таким мужчиной, как Гэри Таллон, – держать его на расстоянии вытянутой руки,
чтобы сохранять полную независимость, которую Питер рисковал потерять. Озвученное
предложение было не безопасно. Питер не хотел обидеть Алану категоричным «нет», но она
сама все поняла по изменившемуся выражению его глаз. Питер не имел никакого желания
переезжать в Лос-Анджелес и останавливаться в гостевом доме ее отца, или, что было еще
хуже, переходить на его содержание, пока Питер был без работы. Пауза затянулась, а Алана
продолжала говорить без передышки. Ее длинные светлые волосы падали с плеч. Она лежала
в шезлонге в коротких белых шортах и в розовой футболке. Он видел ее соски, которые
просвечивались сквозь футболку, и ее длинные ноги, вытянутые на шезлонге. Она летала в
Лос-Анджелес каждые три недели, чтобы покрасить волосы, и раз в три месяца ей вплетали
пряди, чтобы грива ее светлых шелковистых волос выглядела еще гуще. После пятнадцати
лет жизни в Нью-Йорке она по-прежнему была глубоко привязана к Лос-Анджелесу и ко
всему, что было связано с этим местом.

– Папа говорит, что ты можешь работать на него, если захочешь. Или ты просто
можешь отдохнуть несколько месяцев. Он собирается позвонить и поговорить с тобой об
этом. В Лос-Анджелесе тоже есть частный лицей, так что мальчики вряд ли заметят измене-
ния. Они любят дедушку Гэри, – умоляла она. Он был их единственным дедушкой и души
в них не чаял. Он считал их своими сыновьями, которых у него никогда не было. Мальчики
любили встречаться со всеми рок-звездами, с которыми он работал. Он организовывал для
них пропуск за кулисы на все концерты, на которые они хотели пойти. Для них переезд в Лос-
Анджелес был бы похож на переезд в Диснейленд, но для Питера это звучало, как переезд
в ад, где ему придется продать свою душу тестю. И он был намерен избежать этого любой
ценой. Он собирался во что бы то ни стало выпутаться из кошмара, в который превращалась
его жизнь. Он не нуждался в помощи ее отца, какими бы хорошими ни были его намерения.

– Ты же знаешь, я ценю его помощь, дорогая, – сказал Питер спокойно, – но мне нужно
остаться здесь, пока все не решится. Я не могу просто сбежать в Калифорнию и жить за счет
твоего отца. И мне нужно посмотреть, какие здесь откроются возможности.

– Папа говорит, что здесь не будет никаких достойных тебя вакансий в течение года,
а то и двух. Мы могли бы пересидеть в Лос-Анджелесе, пока ситуация не улучшится. Он

говорит, что для тебя здесь ничего нет. Почему бы не работать на него? Он подыщет что-нибудь подходящее для тебя.

– Я не хочу работу ради милости, Алана. Я хочу построить настоящую карьеру в выбранном мной самим направлении. Как ты не понимаешь? Я ни черта не знаю про музыкальный бизнес. Мне нечего предложить твоему отцу.

– Ты можешь помочь ему с вложением денег, – сказала она, все еще умоляя, но она видела, что проигрывает.

– Не сомневаюсь, что он будет в восторге, – цинично сказал Питер. – Я только что с крахом «Уитмена» потерял кучу его денег. Он не нуждается в моих консультациях по поводу инвестиций.

– Но он хочет помочь нам, – тихо сказала она, с выражением решимости в глазах. Это была битва, которую она не намерена была проигрывать. – Мы не сможем позволить себе достойное место для проживания, когда продадим квартиру, – сказала она с отчаянием в голосе. – Что мы будем делать?

– Не волнуйся, я что-нибудь придумаю, – тихо сказал он. Он чувствовал себя разбитым, когда сидел и наблюдал за ней. Он начинал понимать, какой несчастной она будет, когда окажется без денег, но он категорически не хотел жить на пособие по безработице от ее отца. Питер понятия не имел, сколько ему потребуется времени, чтобы вновь встать на ноги. И ее отец был прав, что ему, может быть, потребуется год или два, чтобы найти какую-то работу по своему профилю. Людей, занятых в финансовом мире, сейчас увольняли на всех уровнях.

– Я хочу, чтобы мы остались здесь, – твердо сказал он, когда Алана посмотрела на него с грустью в глазах.

– А я хочу домой, – тихо, но так же твердо ответила она. – Я сказала отцу, что мы приедем. Ты не в состоянии содержать нас здесь, и я не хочу переезжать в какое-нибудь дерьмовое место, где мы все будем несчастны. Мальчики будут ненавидеть его, и я тоже. Это нечестно по отношению к ним, особенно когда мой отец хочет нам помочь.

– Я вырос в простой обстановке провинциального городка. Это не убьет меня, – сказал Питер, чувствуя приступ отчаяния, словно утопающий, который сейчас пойдет ко дну. Он знал, что если позволит, то тесть проглотит его целиком, и Алана подталкивает его сейчас к этому. – Мы могли бы переехать за город на год или два, – сказал Питер с отчаянием в голосе.

– Ты всегда с ужасом вспоминал, что вырос в маленьком городке, – зло напомнила ему Алана.

– Совсем по другим причинам. У меня были проблемы в школе, я был дислексиком, и у меня был брат, который намеренно сделал мою жизнь невыносимой. И у меня не было хороших отношений ни с ним, ни с родителями. Наши дети могут быть счастливы в маленьком городке. Им это даже пойдет на пользу! Там они будут ближе к реальному миру, чем в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе или Саутгемптоне. Может быть, им будет полезно увидеть жизнь своими глазами. По крайней мере, провести там некоторое время.

В глазах Аланы блеснула сталь. Она все еще была единственной папиной дочкой. Отец спасал ее сейчас, и она не собиралась позволить Питеру остановить его. Питер видел, что сейчас она хотела этого даже больше, чем остаться с ним вместе.

– Я уезжаю домой, Питер, и увожу с собой мальчиков. Мы не обязаны становиться бедными. Им не нужно знать, что это такое: не иметь ничего, потерять все, к чему они привыкли. Мой отец хочет быть рядом с нами и заботиться о нас, и о тебе тоже.

– О, боже! Я взрослый человек, Алана. И не побежал бы к нему, поджавши хвост, даже если бы он был моим родным отцом. Я не могу жить в Лос-Анджелесе, как жиголо, все счета которого оплачивает твой отец. Вот увидишь, я позабочусь о нас. Мы справимся.

– Не собираюсь я жить в нищете и обездоливать наших детей, чтобы удовлетворить твое эго. Извини, но у нас нет другого выбора. Ты говоришь мне, что мы окончательно разо-

рены. А у моего отца все в порядке. Он может позволить себе обеспечивать всех нас так, чтобы мы даже не заметили дурацкого экономического кризиса. Говорю тебе, я хочу домой, – железным тоном сказала она.

– А что случилось с твоим обещанием быть вместе «в горести и радости, в бедности и богатстве»? – мрачно спросил ее Питер. – Аннулировано? Или я что – то пропустил? Или имелось в виду «в богатстве и еще большем богатстве»? Почему мы не можем просто не раскисать какое-то время, пока я вновь не встану на ноги?

– Почему наши дети должны страдать из-за того, что ты потерял работу? Разве они обязаны? Дети любят Лос-Анджелес и там есть такой же французский лицей, как и здесь. Я звонила туда на этой неделе, и они сказали, что у них есть места для наших мальчиков. Бен и Райан будут там счастливы, более счастливы, чем в каком-то мифическом маленьком городке или если они будут жить здесь в бедности. И я не собираюсь вырывать их из привычной среды, нельзя так поступать с ними.

– И с тобой. Ты же об этом говоришь? – Его лицо исказилось от злости, и на него навалилось разочарование и чувство поражения. Он хотел, чтобы она осталась. – Разве отказ от «Бентли» – это повод уехать домой к папочке? Это жалкие отговорки, Алана. Нет, на самом деле, это отвратительно. К черту «Бентли». В такой переломный момент мы должны быть вместе.

– Тогда поехали с нами! Забудь Нью-Йорк на некоторое время! – Или навсегда, если она настоит на своем, подумал Питер. В течение многих лет она хотела вернуться в Лос-Анджелес, но Питер так и не согласился. Даже сейчас, когда его загнали в угол, он не хотел ехать туда. Его жизнь была здесь. Но та жизнь, которую хотела она, под крылом отца, находилась там. Это был шанс, который она так долго ждала и теперь не хотела упустить. Сейчас или никогда.

– Я не буду существовать на подачки твоего отца, – сказал он голосом, дрожащим от волнения. Это было обременительно для него и заставило его еще больше почувствовать, что он должен отказаться поехать с ней в Лос-Анджелес, нельзя позволить ее отцу заботиться о них в финансовом отношении. Питер скорее умрет с голоду. Но Алана не готова поддержать мужа. И потом, она думала об их мальчиках и их комфорте. Она не хотела, чтобы они бедствовали, если в этом не было никакой необходимости. Ее отец предложил оплатить все. Это была та возможность, которую Гэри тоже ждал слишком долго. Он мечтал, что его девочка вернется домой и привезет с собой своих мальчиков. И помимо всего прочего, в награду за все он был более чем готов содержать Питера. Состояние его тестя не изменилось от потрясений, произошедших на Уолл-стрит. Помимо прочих у него были удачные вложения и огромное дело, ему принадлежало несколько нефтяных скважин в Южной Калифорнии, и он обладал огромными запасами недвижимости. Единственный, кто не хотел извлечь выгоду из всего этого богатства, был Питер, чувствующий себя обессиленным и униженным сговором Аланы со своим отцом. Он не мог приехать в Калифорнию с понурым видом.

– У тебя нет выбора, любимый, – сказала Алана, вставая и строго глядя на него. – Я не останусь здесь при таких условиях – без денег, без жилья, без перспектив, и когда неизвестно, сколько, черт возьми, ты пробудешь без работы.

– Что ты хочешь этим сказать? – отчеканил Питер. Какая гадость! Он слышал завуалированную угрозу в ее голосе.

– Я говорю, что собираюсь вернуться в Лос-Анджелес. Ты можешь продать все по своему разумению. Мой отец сделал нам хорошее предложение: жить с ним, тогда он будет заботиться о нас. Если ты слишком упрям или слишком горд, чтобы принять это от него, то я не такая. Мы с мальчиками собираемся уехать на следующей неделе, чтобы дети смогли начать ходить в школу там, пока с начала учебного года прошло еще не очень много времени. Я уже сказала им. Они очень обрадовались, хотят ехать. Я не позволю тебе остановить нас.

– А если я не поеду? – Питер спросил ее, прищурив глаза, прикидывая, как далеко она зайдет и что она на самом деле хотела сказать.

– Мы уедем в любом случае. Я покидаю Титаник. Всю последнюю неделю я наблюдаю, как твоя и наша с детьми жизнь рушится. Корабль идет ко дну. Он уже практически утонул. Если ты не хочешь воспользоваться спасательной шлюпкой – это твое решение, но я собираюсь сойти на берег. Ты можешь поехать или нет, все зависит от тебя.

– Ты бросаешь меня? – Питер спросил ее прямо, желая получить ясный ответ на вопрос вместо ее глупых метафор.

– Я оставляю Нью-Йорк и те неприятности, в которых мы здесь находимся. Мой отец предложил нам убежище – поеду туда. Мы уже начали отдаляться друг от друга. Сейчас у тебя нет времени подумать о нас. Ты слишком занят тем, чтобы удержаться на плаву, и я это понимаю. Да очнись ты, наконец, ты тонешь, Питер! Но я не позволю тебе утонуть и меня тоже. Я убираюсь отсюда к чертовой матери! То, что происходит сейчас с нашим браком, зависит от тебя и от того, какой выбор ты сейчас сделаешь.

– Значит ли это, что если я не перееду в Лос-Анджелес и не стану бегать у твоего отца на посылках, то ты разведешься со мной? – Он наседа на нее, а она меньше всего хотела отступать.

– Здесь у тебя все равно еще сто лет не будет работы. Так что тебе мешает поехать с нами? – Она не ответила на его вопрос.

– Что, если я смогу найти работу где-то в другом месте, например, в Бостоне или Чикаго? – Он прощупывал варианты: неужели она уже все решила?

Она долго колебалась, но когда их глаза встретились, Алана, наконец, ответила ему.

– Я еду домой, Питер. В Лос-Анджелес. Ради тебя я прожила здесь пятнадцать лет! Старалась изо всех сил, но это не сработало. Определись, что ты хочешь делать, – тихо сказала она, а затем встала и покинула террасу. Он остался сидеть один, глядя в пустоту. Ее заявление дошло по адресу, ведь она высказалась громко и вполне определенно. Если он хочет сохранить свой брак, который был единственным, что у него осталось и чем он дорожил в данный момент, то он вынужден будет переехать в Лос-Анджелес, согласившись на ее условия. И ему было ясно, что случится, если он этого не сделает. Думая об этом, он положил голову на спинку шезлонга и закрыл глаза. По его щекам тихо покатались слезы. Никогда в своей жизни он не был так несчастен. Хотя, если подумать... Это напомнило ему о тех днях, когда он едва научился читать, когда казалось, что все кроме него знали ответы, когда он чувствовал себя ужасно беспомощным. Но на этот раз он ни на кого не сваливал своей вины. Он просто чувствовал, что что-то внутри него умирает, и он теряет все, что имело для него значение. Его карьера, его жена и его мальчишки. Она выставила ему чертовски конкретный ультиматум.

Глава 2

Жизнь раскручивалась, как замедленное кино, только в обратном порядке. Выходные выдались ужасные, как Питер с Аланой и предполагали. Они выставили на продажу свой дом в Хэмптоне по убийственно низкой цене – Питер хотел продать его как можно скорее. Он сфотографировал все принадлежавшие Макдауэлам произведения искусства и планировал позвонить их арт-дилеру в понедельник. Он также подумывал связаться с Сотбис и Кристи, чтобы выяснить, что можно выставить на аукцион. Он был готов продать свое имущество кому угодно, лишь бы ему заплатили самую высокую цену. Приходилось отказываться от всех произведений искусства и предметов, которые они собирали в течение долгого времени. Пляжный дом, который они так любили, где они прекрасно проводили время, будет теперь принадлежать кому-то другому.

Питер оставил «Роллс» и «Феррари» в автосалоне и был поражен, когда Алана наотрез отказалась продавать свой «Бентли». Она сказала, что отправит его в Лос-Анджелес. Ее отец оплатит транспортировку и предложил купить у Питера его машину, на что он категорически не согласился. Он не хотел, чтобы ее отец платил за что-либо, поэтому сказал ей, что она может оставить авто себе, что в сложившихся обстоятельствах было ему совсем не выгодно – они обязаны были считать буквально каждую копейку. Алана хотела ездить на «Бентли» в Калифорнии, и Питер не стал спорить с ней. Ему ужасно не нравилось расстраивать ее. После их последнего разговора в пятницу, когда Алана четко обрисовала свою позицию, в их отношениях возникло охлаждение. Теперь она каждые пять минут разговаривала с отцом и планировала уехать в Лос-Анджелес вместе с мальчиками в следующие выходные. Она не спрашивала Питера, что он думает по этому поводу. Она заявила ему о своем отъезде, как о свершившемся факте. Они оставили Бена и Райана в городе у их друзей, чтобы те могли поиграть с ними, пока Алана и Питер поедут в Саутгемптон, чтобы уладить вопросы с домом и автомобилями. Они не захотели остановиться в пляжном домике, так как со вторника он был открыт для просмотра брокерами, и поэтому поехали домой. Всю дорогу обратно они проехали молча. Питер чувствовал себя проигравшим от тех решений, которые она сейчас принимала. Это был болезненный процесс, и все воскресенье они провели особняком, посидев в разных комнатах. Вечером забрали мальчиков и отправились ужинать. Бен, их девятилетний сын, был счастлив, что они будут жить с бабушкой Гэри в его гостевом доме, чего нельзя было сказать о Райане. В свои четырнадцать лет он уже мыслил достаточно трезво и был недоволен, что ему придется расстаться со своими друзьями. Он только что начал учиться в старших классах лицея. Кроме того, было видно, что Райан переживает за отца. После ужина они играли в бильярд в игровой комнате, а Бен в это время ушел с матерью смотреть кино в их проекционном зале.

Питер вздрогнул, когда Райан в середине игры вдруг задал ему вопрос: «Вы с мамой разводитесь?» – неожиданный и болезненный укол в самое сердце. Питер не знал, что ответить, но ради сына сохранил безмятежное выражение лица. Вот уже два дня после того как Алана сообщила, что она уезжает и забирает мальчиков с собой, он сам задавал себе этот вопрос. Он чувствовал, что она не имела никакого намерения возвращаться в Нью-Йорк в ближайшее время, если вообще когда-либо соберется это сделать.

– Насколько мне известно – нет, – честно сказал Питер, не настаивая и не пытаясь разубедить сына. – Твоя мама, наверное, права. Некоторое время здесь будет трудно и вам будет комфортнее с бабушкой Гэри.

– А как же ты, пап? – беспокоился Райан. – Где ты собираешься жить? Ты приедешь, когда здесь все уладится?

– Конечно, – Питер улыбнулся и положил руку на его плечи, но обмануть Райана было трудно. – Я пока просто не могу поехать в Лос-Анджелес. У меня здесь слишком много дел и забот. Ты же сам все понимаешь, не маленький. И я чувствую себя немного странно, позволяя вашему дедушке содержать нас. Это моя обязанность. Мне просто нужно напрячься и выкрутиться из сложной ситуации. Времена сейчас тяжелые, сын. Но я приеду к вам, как только смогу.

– Хочу остаться с тобой, – упрямо покачал головой Райан. Он хотел в одинаковой степени сильно поддержать своего отца и остаться со своими друзьями.

– Ты должен быть с мамой и Беном. Обещаю, что приеду к вам в ближайшее время, – тихо сказал Питер. Он знал, как сильно будет скучать по ним. – Я постараюсь провернуть здесь дела быстро-быстро.

Райан кивнул, но они оба были растеряны и несчастны, когда закончили игру.

Питеру было ужасно неприятно, что они все сейчас переживают такие потрясения, и он видел, что их брак трещит по швам. Конечно, Райан не ошибался, предчувствуя горький финал. Он уловил те же полутона отношений, что и Питер. Алана предпринимала сейчас те шаги, которые она хотела делать в течение длительного времени, но не имела никаких поводов для этого. Теперь их было предостаточно. Питера мучил вопрос: к кому она испытывает большую преданность – к своему отцу или к нему? Не уверен, что ответ на этот вопрос в данный момент так уж нужен. Ему было ясно, что она всегда скучала по своей прежней жизни. А сейчас, когда их совместная жизнь была близка к завершению, еще больше. И у нее не было ни одной причины для того, чтобы остаться. Думая об этом, Питер почувствовал себя одиноким. Ему ужасно не понравился тревожный огонек в глазах сына.

Всю неделю Питер встречался с риелторами, адвокатами и арт-дилерами. Алана собирала вещи. Каждый вечер они ужинали вчетвером, и Райан замолкал, когда его мать и Бен начинали говорить о Лос-Анджелесе. Он снова спросил отца, может ли он остаться в Нью-Йорке с ним, но Питер посчитал, что будет лучше, если Райан отправится в Лос-Анджелес вместе с матерью и братом. Питер обещал Алане приехать в Лос-Анджелес при первой же возможности, но так или иначе, только на какое-то время и при этом он не обещал там остаться. На данный момент такое положение ее вполне устраивало. Она знала, каким убедительным может быть ее отец, тем более что в данных обстоятельствах у Питера не было иных вариантов. Если бы он захотел быть со своей женой и сыновьями, то он должен был принять предложение ее отца на его условиях.

Алана и мальчики покинули Нью-Йорк 18 октября, через восемь дней после того, как Питер вышел из своего офиса в последний раз. И их отъезд был мучительным для Питера. Сразу после их отъезда он почувствовал себя подавленным. Ему позвонили несколько журналистов и попросили дать интервью, но он им отказал. Ему нечего было сказать. В ближайшие месяцы должны были пройти слушания и расследования о том, почему бизнес пошел вниз. Начнутся разбирательства и по поводу «Леман Бразерз».

Через неделю после того как Алана и мальчики уехали, фондовый рынок опустился еще ниже. Люди пребывали в панике – закрылись еще несколько мелких банков, а клиенты начали сомневаться в стабильности даже самых надежных крупнейших государственных банков. Каждый хотел получить либо деньги, либо казначейские векселя, и никто не чувствовал себя в безопасности с инвестициями, которые они до этого сделали. Это было страшное время. И до сих пор не было никаких предложений по покупке дома или квартиры. Сейчас было самое удачное время для покупок, если у вас были деньги, и ужасно неудачное для продаж. Питер просил существенно меньше за каждый из своих домов, чем он в свое время за них заплатил.

Каждый раз, когда он звонил Алане и мальчикам, было слышно, что они рады гостить у деда в Калифорнии. Ее отец следил за тем, чтобы они прекрасно проводили время, и даже

Райан, казалось, начинал привыкать. Ребятам понравилась их новая школа, и всего через три недели у них появились друзья. Никогда в жизни Питер не чувствовал себя так одиноко, как сейчас. Он согласился прилететь в Лос-Анджелес на День Благодарения. Прошел месяц после того, как они уехали, и Питер обещал пробыть там столько, сколько сможет. На данный момент он сделал в Нью-Йорке все, на что был способен. Он передал арт-дилеру фотографии всех своих картин и скульптур. Оба дома были выставлены на продажу, а его автомобили были проданы лишь за часть их настоящей стоимости. Но Питера это не волновало. Единственное, о чем он мог сейчас думать, так это о том, где они будут жить, когда будет продана их квартира. Он хотел предложить свое решение: найти альтернативу Лос-Анджелесу, город, которым бы заинтересовалась Алана, – но у него не было ни одного похожего на примете. А она уже начала поговаривать, что мальчикам надо, по крайней мере, закончить учебный год в Лос-Анджелесе. Было ясно, у нее не было ни малейшего желания вернуться в Нью-Йорк, и Питер прочитал это в ее глазах, когда она открыла ему дверь дома в Лос-Анджелесе.

Алана находилась в радостном возбуждении от того, что возобновилась ее прошлая жизнь. Она встречалась со своими старыми друзьями и была вовлечена в местные события. Она вызвалась принять участие в двух благотворительных фондах, которые ей посоветовало близкое окружение. Она была сейчас занята больше, чем все прошедшие годы. Ее отец рascal на нее и мальчиков потоки любви и внимания и все не мог остановиться. В его гостевом доме Алана чувствовала себя счастливее, чем она когда-либо была в своем, похожем на дворец, пентхаусе в Нью-Йорке. Алана вернулась домой.

Ребята тоже, казалось, были счастливы. Они почти не бывали дома, проводя время в гостях у своих новых друзей. Как никогда раньше Питер осознавал, что это было сражение, в котором он не может победить. И он чувствовал себя здесь лишним. По своей сути он был уроженцем с северо-востока США и больше двадцати лет прожил в Нью-Йорке. Лос-Анджелес оставался для него чужим городом, не говоря уже о процветающем бизнесе его тестя. Мир шоу-бизнеса всегда оставался для Питера непроходимыми джунглями. Финансовый кризис в Нью-Йорке и во всем мире, казалось, никоим образом не затронул Гэри. Через два дня после того как приехал зять, Гэри пригласил его на ужин в зал Поло в отель Беверли-Хиллз. Почти за каждым столом велись серьезные переговоры. Это было любимое место встреч и общения кинозвезд, агентов, продюсеров и голливудских магнатов.

– Кажется, сейчас в Нью-Йорке дела идут довольно плохо, – начал разговор Гэри после того, как сделал заказ. Падение фондового рынка повлияло на всех, у кого были инвестиции, и экономика страны была неустойчивой, но в Лос-Анджелесе основные отрасли производства были связаны с шоу-бизнесом и музыкой. Нью-Йорк был центром финансового мира, и там влияние кризиса было более заметно. В Лос-Анджелесе жизнь текла относительно нормально, хотя было отменено финансирование ряда запланированных фильмов. Но рестораны были на подъеме, в магазинах – полно покупателей. Когда Питер уезжал из Нью-Йорка, тот выглядел как город – призрак. Говорили, что праздничные продажи почти отсутствуют. В Лос-Анджелесе жизнь казалась более нормальной.

– Паршиво, – признался Питер. Он выглядел усталым в эти дни и чувствовал себя дряхлым стариком после бессонных ночей, которые провел в раздумьях о том, как позаботиться о своей семье. Гэри ни о чем не мечтал так сильно, как о том, чтобы решить проблему за него, но Питер не станет рабом Гэри Таллона. Насколько Гэри был любящим отцом по отношению к своей дочери, настолько он был известен своей безжалостностью в бизнесе. Питер совсем не хотел на него работать. Он хотел вернуться в финансы, на Уолл-стрит, и как можно скорее. Но в ближайшее время этого не произойдет, о чем Гэри напомнил ему за обедом.

– Я хотел бы пригласить тебя в мой бизнес, – заявил Гэри великодушно, когда официант подал им кофе. Он подождал окончания ужина, чтобы сделать это выгодное предложение.

До сих пор все его предложения передавались через Алану. – Алана и мальчики счастливы здесь, – напомнил он зятю.

– Да уж, вижу, – Питер старался быть вежливым и благодарным. Гэри Таллон был влиятельным человеком и обладал такой силой, с которой приходилось считаться. Питер не хотел обидеть его, но и работать на него не собирался. Он также не хотел соглашаться на работу, которая предлагалась ему из милости, а не потому, что он мог что-то в нее привнести. Питер знал, что в этом бизнесе он не сможет проявить свои таланты.

– Будет несправедливо по отношению к нам обоим ловить вас на слове, Гэри. Вы и сами лучше меня знаете, что я не обладаю нужными навыками, чтобы действительно быть вам полезным. Начни я на вас работать, и все: вам гарантированы неудачные сделки, а мне – пустая трата времени и талантов. Способности, которые у меня есть, я бы погубил, работая в той сфере, о которой ничего не знаю и, что важнее, к какой не испытываю интереса. Вся моя жизнь была направлена на достижение определенных целей на Уолл-стрит, а не в музыкальном бизнесе.

– Ты мог бы научиться всему, что умею я, – тихо сказал Гэри, наблюдая через стол за своим зятем. Взгляд старика был тяжелым и холодным. Он хорошо разбирался в людях и знал, что Питер был хорошим человеком. Единственной целью Гэри было сделать свою дочь счастливой и чтобы она получила то, что хочет, а она хотела жить в Лос-Анджелесе, а не в Нью-Йорке. Он хотел, чтобы Питер согласился с ее пожеланиями, и неважно, какое он должен был сделать ему предложение, чтобы Питер так поступил. Гэри озвучил сумму, которую он готов платить Питеру, если он возьмется за работу. Питер вытаращил глаза, когда услышал это. Он предлагал восхитительно много денег, а само предложение выглядело как чистая благотворительность со стороны его тестя. Он ничего не мог сделать для Гэри такого, чтобы заработать эту сумму.

– Невероятно щедрое предложение, – честно признался Питер, – но я бы ограбил вас, если бы согласился. Я ни черта не смог бы сделать для вас, чтобы оправдать такие деньги. – Он был бы рад получать такую сумму, но Питер знал, что это будет неправильно, и если он возьмет их, то это будет похоже на то, как если бы он взял взятку.

– Ты не обязан их оправдывать, – прямо сказал Гэри. – Все, что тебе надо сделать, это просто жить здесь и делать Алану счастливой. – Питер почувствовал себя жиголом еще больше, чем когда-либо.

– Я не могу получать у вас заработную плату только за то, что я делаю Алану счастливой. Мне необходимо оправдывать свое назначение, – сказал Питер, окончательно расстроившись.

– Сынок, ты понимаешь, что может так получиться, что ты будешь слоняться без работы долго-долго, слишком долго, – мрачно сказал Гэри. Питер кивнул головой, зная, что тесть был прав.

– Судя по тому, что рассказывает мне Алана, вам негде будет жить, когда вы продадите квартиру, и у вас не будет достаточно средств, чтобы обеспечить себя и детей. Вы не можете просто жить как кочевники, если учесть, что у вас два ребенка. Я не думаю, что в этой ситуации у тебя есть большой выбор, – самоуверенно отметил Гэри, думая, что убедит его.

– Мне надо кое-что проверить после возвращения, – сказал Питер. Он продолжал рассылать свое резюме, но пока безрезультатно. Совладельцы и менеджеры инвестиционных банковских фирм были неликвидным товаром в данный момент.

Гэри не стал настаивать, но он знал, что Питер был загнан в угол. Дочь уже сказала ему, что она не уедет из Лос-Анджелеса. Если Питер хочет сохранить свой брак, то у него нет иного выбора, кроме как жить здесь. Но он был слишком гордым и ответственным человеком, чтобы остаться безработным. Гэри был уверен, что рано или поздно Питер сдастся. И по мере того как шли дни от Дня благодарения до Рождества, Питер прекрасно понимал,

что если он хочет быть с Аланой, то ему придется остаться в Лос-Анджелесе. Она жила там полной жизнью, общаясь со старыми друзьями и заводя новых. Ее всюду приглашали, и Питер чувствовал себя любовником на содержании, повсюду следуя за ней немой тенью или пытаясь провести время со своими сыновьями, которые тоже были очень заняты. Только у Питера здесь не было своей жизни и никаких дел.

Чтобы выглядеть благоразумным и хоть чем-то себя занять, он согласился проводить несколько дней в неделю в офисе своего тестя. Он присутствовал на заседаниях и наблюдал за их работой. И все время, пока Питер там находился, он чувствовал себя совершенно потерянным и бесполезным. Вопреки тому, что ему раньше обещал тесть, он не включил его ни в одно из заседаний. Гэри предоставил ему огромный кабинет, один из самых впечатляющих в здании, и предполагал, что зять просто будет сидеть там. Было очевидно, что Гэри не ожидал от него никаких подвигов. Он сказал зятю, что он может использовать рабочее время по своему разумению: приходить позже и уходить раньше, если у него будут какие-то дела, и что Питер может обедать так долго, как ему вздумается. Единственное, что понял Питер через три дня, что он станет отщепенцем – совершенно лишним и бесполезным человеком, – если пойдет работать в продюсерскую компанию тестя. Если Питер примет предложение Гэри, то с карьерой будет покончено. Ему останется только быть мужем Аланы и сопровождать ее на голливудские вечеринки и мероприятия. Такая жизнь для него была неприемлемой и унижительной. Во время праздников он не стал ничего говорить Алане об этом и подождал, пока закончится Рождество. Ребята уехали со школой на выходные в Беар-Вэлли кататься на лыжах, а Гэри отправился в Лас-Вегас, чтобы посмотреть выступление одного из своих артистов в преддверии Нового года. Питер и Алана были предоставлены сами себе, и Питер с нетерпением ждал, что проведет с ней наедине несколько дней. У него было такое чувство, что ни разу за весь месяц, который прошел со дня его приезда, у них не было ни одной спокойной минуты.

– Здесь приятно жить, не так ли? – спросила его Алана, когда они отдыхали на лежаках во внутреннем дворике гостевого дома под лучами зимнего солнца. С того дня как он приехал, стояла ясная погода. Но для того чтобы он чувствовал себя счастливым, одного солнечного тепла было недостаточно. Ему нужна была настоящая жизнь, но он знал, что здесь ее никогда не будет. Он чувствовал себя не мужем, а эскортом Аланы.

– Так жить действительно приятно, – согласился он, – если нечем больше заняться и наслаждаться только этим. Или если ты управляешь такой империей, как твой отец. Я чувствую себя здесь совершенно бесполезным, – ворчал Питер. Он не мог и не хотел ей лгать на этот счет.

– У меня здесь гораздо больше развлечений, чем было в Нью-Йорке, и у тебя тоже, – настаивала она, и была права – это была правда ее жизни, но к нему никак не относилось.

– Мне недостаточно прожигать свою жизнь на вечеринках, – честно признался он. – Я хочу вернуться к работе в Нью – Йорк где-нибудь после Нового года и посмотреть, что я могу предпринять, чтобы изменить наше положение. – Они уже начали переговоры с потенциальным покупателем их квартиры на этой неделе. Питер места себе не находил от скуки в Лос-Анджелесе.

– Ты можешь работать на моего отца здесь, – сказал Алана, глядя на него с серьезным решительным видом.

– Нет, не могу. Мне нечего ему предложить, и у него нет для меня реального применения. Я не могу получать у него огромную зарплату и ничего не делать. Это не для меня, Алана. Мне нужна настоящая работа. Я не могу жить здесь в качестве твоей болонки или в роли его лакея.

– Что ты такое говоришь? – сказала она холодно.

– Что я хочу найти настоящую работу в Нью-Йорке, на Уолл-стрит, где я работал в течение двадцати одного года или, по крайней мере, что-то в этом роде. Вот найду место, где мы сможем жить, и сразу перевезу тебя с мальчиками домой.

– Но я уже дома, – просто сказала она, и он видел, что она искренне так считает. – Я не собираюсь возвращаться, Питер. Мне нравится жить здесь. И мальчикам тоже.

– Я не могу так. Не хочу быть альфонсом, Алана. Не за такого человека ты вышла замуж. Я не такой. Три месяца тому назад земля ушла у нас из-под ног, я ее переверну. Вот увидишь, мне удастся все вернуть обратно, а не жить здесь в качестве твоего любовника на содержании. – Он чувствовал, что, находясь здесь, совершает насилие над собой большую часть времени, если не сказать, все время.

– Мы уже обсуждали это, милый. На данный момент там нет для тебя работы, и, кажется, ее не будет еще очень долго.

– Что-нибудь да найдется! Может быть, мы не будем жить так комфортно, как раньше, но это не продлится долго и, в любом случае, рано или поздно все устроится. Жизнь придет в норму. Но такая жизнь, как в Лос-Анджелесе, не для меня. – Он был абсолютно честен с ней, но Алана больше не хотела вести с ним переговоры.

– Я остаюсь, Питер. Если ты не хочешь жить здесь, то, возможно, у нас есть решение. Мой отец стареет, и я хочу быть с ним здесь. Мы – это все, что у него есть, – она посмотрела на Питера, и он увидел что-то необычное в ее глазах. Она больше не была той женщиной, на которой он женился. Она была дочерью своего отца. В ее семейной жизни наступили тяжелые времена, и она сейчас сматывала удочки. Теперь он отчетливо это видел, и она сама не отрицала этого.

– Ты тоже все, что у меня есть, – тихо сказал Питер. – Я люблю тебя, Алана, и мальчиков. И не хочу потерять тебя только потому, что я не могу жить здесь.

– Тогда оставайся! Мой отец сделал тебе очень выгодное предложение. Прими его, – она не признавалась ему в любви и не просила его остаться просто потому, что не могла без него дышать. Она не сказала этого. И он задал себе вопрос, а любила ли она его когда-нибудь вообще? Может, в какой-то момент страсть прошла, а он и не заметил? Алана была готова пожертвовать мужем ради роскошной жизни. Для Питера это явилось жестокой реальностью, горькой правдой.

– В любом случае, мне нужно лететь в Нью-Йорк на следующей неделе, – безрадостно попытожил он. – Мы еще поговорим. – Она кивнула и ответила на звонок своего сотового телефона. Звонил ее отец из Лас-Вегаса. Она сейчас была ближе к нему, чем к Питеру. Их семейная жизнь ее совершенно не волновала. Все, что она хотела, это разделить жизнь со своим отцом. Слушая, как они шепчутся, Питер встал и вошел в дом. В его глазах стояли слезы, но она их не увидела. Он не мог больше обманывать себя. Это был один из тех определяющих моментов, когда вдруг осознаешь, что жизнь, которую вы с кем-то разделяли на двоих, закончилась. Близкий человек, которого, по вашему мнению, вы потеряли на время, больше к вам не вернется и не будет прежним никогда. Питера осенило в тот самый момент. Не важно, согласится ли он признать это сейчас или нет, все было кончено. Алана предпочла свой родной город и отца мужу. Это была горькая пилюля, которую Питеру пришлось проглотить, – какое душераздирающее разочарование!

Они поехали вместе на новогоднюю вечеринку, и Алана заскочила к каким-то своим старым друзьям, которые были в восторге от встречи. Она даже заехала к своему прежнему бойфренду, уже давно работавшему на ее отца, одному из лучших голливудских агентов. Познакомила его с Питером, и они втроем болтали в течение нескольких минут, хотя было видно, что он явно не испытывал никакого интереса к Питеру, в конце концов отошедшему от них к бару за крепким виски со льдом. Питер устал от Лос-Анджелеса и людей, с которыми он здесь встречался. Он не мог дождаться, когда вернется в Нью – Йорк, чего нельзя

было сказать про Алану. Она благоденствовала в своем знакомом любимом мире и получала удовольствие от того, что пребывает в нем в качестве дочери своего отца.

В ту ночь они возвращались домой молча. На вечеринку их отвозил личный водитель отца, и когда они вышли у гостевого дома, Питер сказал ей, что через несколько дней он уезжает в Нью-Йорк. Алана безучастно кивнула головой и ничего не ответила. Было такое ощущение, что сказать уже больше было нечего. Он проиграл.

Следующие несколько дней супруги провели, избегая друг друга. Он не хотел забивать себе голову разными мыслями и приходить к каким-то более болезненным выводам, чем те, которые уже сделал. Он подождал возвращения мальчиков из Беар-Вэлли и сказал им, что он уезжает, но обещает вернуться сразу как только сможет.

Утром в день его отъезда Питер и Алана завтракали вместе. В этот день она собиралась поехать на обед в честь какой-то голливудской знаменитости, а ночь провести на вечеринке по случаю празднования премьеры нового фильма. В ее жизни ничто не изменилось. Она все еще оставалась той избалованной маленькой девочкой, какой она всегда была и к какой Питер именно так и относился все годы их брака. Сейчас он это ясно видел. А в его жизни все круто изменилось, начиная с октября. Он чувствовал такую безысходность и одиночество, как если бы он вдруг остался один-одинешенек на всем белом свете. Казалось, что они перестали чувствовать друг друга: она наслаждалась своей новой жизнью, а он пребывал в трауре по их прежней.

Она поцеловала его на прощание так дежурно, словно вечером он вернется домой. Когда он пошел поцеловать на прощание мальчиков, он увидел, что она смотрит на него как на незнакомого человека. Он повернулся, чтобы посмотреть на нее, и их глаза встретились. Ее взгляд больше ничего не выражал. Они в одночасье стали чужими. Она отрезала путь к их совместной жизни в Нью-Йорке и, казалось, начинала жить без него. И, как она сама сказала два месяца тому назад, окончательно покинула тонущий корабль. Алана освободилась от пут брака и теперь была вольна делать, что душе угодно. И для мужа в ее жизни не осталось места с того момента, как он отказался играть по правилам ее отца.

Питер молча сидел в машине, когда водитель ее отца вез его на «Роллс-Ройсе» Гэри. Автомобиль был совершенным во всех отношениях и катил очень мягко, но никогда в жизни Питер не чувствовал себя так неудобно.

Его мобильный телефон зазвонил, когда он садился в самолет. Это был Райан, не Алана. Она не позвонила.

– До скорой встречи, пап. Удачного тебе полета.

– Спасибо, сынок. Я позвоню тебе из Нью-Йорка.

– Я люблю тебя, папа.

– Я тоже люблю тебя, Рай, – тихо пробормотал Питер, с трудом проглатывая ком в горле. Питер не сказал, но они оба знали, что все изменилось и никогда не будет прежним.

Глава 3

Когда Питер вернулся в Нью-Йорк, у него сложилось такое впечатление, что весь город и все, кого он знал, погрузились в глубокую депрессию. Рестораны были пустынные, магазины – безлюдны. Люди, которые все еще по утрам спешили на работу, панически боялись ее потерять. Никто не чувствовал себя в безопасности. Люди переживали за сохранность своих денег в банках, а те, чьи капиталы находились в ценных бумагах, спешили купить государственные краткосрочные облигации на все деньги, которые имелись у них на руках. По всей стране продолжали закрываться маленькие банки. Страна, которая все это время являлась символом успеха и безопасности, больше таковой не являлась, и никто не мог больше на нее рассчитывать. Весь финансовый мир был перевернут с ног на голову.

Пока Питер находился в Калифорнии, произошло еще одно шокирующее событие. Человек по имени Бернард Мэдофф был арестован по обвинению в мошенничестве с инвестициями. Это было крупнейшее в истории преступление такого рода. Он был обвинен в мошенничестве в отношении 4800 клиентов на общую сумму в \$64,8 миллиона. Он уничтожил целые учреждения инвесторов, свел к нулю их сбережения, разорил пенсионные фонды и привел в упадок целые состояния. В результате его деятельности доверчивые инвесторы по всему миру были разорены, а их дома пошли с молотка.

За двадцать один год работы в финансовом бизнесе Питер не мог припомнить ничего похожего. Его собственное положение было не лучше ничего не подозревающих жертв Мэдоффа. Питер отчаянно пытался продать их городскую квартиру и дом в Саутгемптоне. Им нужны были деньги, несмотря на то что отец Аланы не скупился по отношению к ней и мальчикам, Питер все еще не распрощался с идеей о том, чтобы опять самому содержать свою семью. Несколько риелторов внесли дом и квартиру в свои списки, и один серьезный потенциальный покупатель вел торг по покупке квартиры, стараясь извлечь максимум выгоды из бедственного положения Питера.

На следующий день после приезда домой Питер получил очередное предложение от того же покупателя, но оно было незначительно выше, чем предыдущее. Покупатель все-таки посочувствовал Питеру. Поздно вечером Питер позвонил по этому поводу Алане и попросил у нее совета, но она не сказала ничего конкретного. Было очевидно, что она больше не собирается вникать в их проблемы в Нью-Йорке. Находясь сейчас под опекой своего отца, она расслабилась. Эти заботы мало ее волновали, и она сказала Питеру, чтобы он продал квартиру за любые деньги. Она знала, что ему нужны были сейчас средства к существованию, так какой может быть разговор?

На следующее утро Питер перезвонил риелтору и мрачным голосом подтвердил, что готов принять предложение. Он получит за квартиру вполуполу меньше той суммы, которую он заплатил за нее десять лет тому назад, прямо перед рождением Бена. Четыре месяца тому назад, до биржевого краха, квартира стоила бы вдвое больше, чем он заплатил за нее, но такого уже больше не будет. Те, кто смогли удержать в руках наличные, наживались на тех, у кого их больше не было. Питер стал жертвой кризиса.

– Я принимаю предложение, – сказал он риелтору сквозь стиснутые зубы. – Я продаю квартиру в том виде, в котором она находится сейчас, и хочу максимально быстро завершить сделку. – Она пообещала все устроить, и потом он позвонил их риелтору в Хэмптоне. Ни одного предложения по покупке пляжного дома до сих пор не поступило, хотя дом был великолепный. Его совсем недавно перестроили, и он стоял на нескольких акрах земли, на границе с береговой линией. Но второе жилье сейчас никто не покупал. Наряду со всем остальным, этот рынок тоже рухнул.

– А вы не думали о том, чтобы сдать его в аренду? – осторожно предложил риелтор. Питер собирался снизить цену, но затем передумал, если можно будет получить достойную цену за аренду.

– Подскажите, на какую сумму можно было бы рассчитывать?

– Как правило, аренда таких домов составляет астрономическую сумму. Дом великолепный, но на сегодняшний момент, может быть, половину от того, сколько он мог бы стоить, или даже меньше. Сейчас не самое выгодное время года, но случается всякое. Я могу внести его в список домов, которые сдаются в аренду, и посмотреть, какой будет результат.

На следующий день было представлено предложение о покупке квартиры в городе. Предстояло еще провести проверку юридической чистоты, осмотр помещения и получение одобрения совета кооператива. Все эти процедуры были стандартными и могли занять некоторое время. Питер подписал свое согласие с предложением и позвонил риелтору, чтобы он забрал бумаги. По крайней мере, это дело было сделано.

Всю оставшуюся часть недели он рассылал свои резюме и каждый вечер звонил своим мальчикам в Калифорнию. Всякий раз, когда он это делал, он просил позвать к телефону Алану, но они отвечали, что ее нет дома. Она веселилась в Лос-Анджелесе. Питер приходил в отчаяние от того, что происходит с их браком. Он все надеялся, что, в конце концов, она все же захочет остаться с ним. Он очень нервничал из-за того, что ему надо было решить их финансовые проблемы как можно быстрее, но как? Он не был волшебником. И он делал все, что было в его силах. У него по-прежнему была хоть и слабая, но надежда на то, что они с Аланой смогут преодолеть ту размолвку, которая возникла между ними. Он ничего не говорил мальчикам о своих проблемах. Когда Питер разговаривал с ними, они радовались, что снова поедут со школьными друзьями кататься на лыжах. Как и их мать, они все время были чем-то заняты в Лос-Анджелесе. Питер пробыл в Нью-Йорке еще две недели, когда получил предложение на аренду дома в Саутгемптоне. Предложенная цена была чудовищно низкой, но это были реальные деньги, и Питер решил согласиться. В отличие от квартиры в городе, которую он должен был освободить сейчас, дом сдавался вместе с мебелью, и со всем, что в нем находилось. Он попросил Алану приехать в Нью-Йорк и помочь ему, но она сказала, что не хочет оставлять мальчиков одних с отцом.

– Просто найми кого-нибудь, милый, чтобы тебе помогли с переездом, – беспечно посоветовала она. Действительно, зачем заморачиваться? Он почувствовал, как глаза защипало от влаги. Он был измучен и разочарован, а Алана не пыталась понять и облегчить его состояние. Весь день он провел за компьютером, читая письма, пришедшие на его электронную почту. В них говорилось, что рабочих мест, соответствующих его уровню и квалификации, на данный момент нет. Он очень хотел заниматься чем-то схожим с тем, что ему приходилось делать раньше, а вместо этого он должен был сам освободить их квартиру. Алана ведет себя так, словно никогда не жила здесь. Хорошей новостью было то, что появились покупатели, желавшие приобрести кое-что из их мебели, в основном антиквариат. Алана и Питер не могли сейчас позволить себе сожалеть о потере вещей. Они должны были жалеть только друг друга, но Алана не была сентиментальной барышней.

– Что ты хочешь, чтобы я сделал с той мебелью, которую не купят? – Питер спросил Алану ровным голосом.

– Понятия не имею, – неопределенно сказала она. – Отправить на склад? Или лучше избавиться? Отдай благотворительным организациям или отправь на свалку – делай что хочешь. – Было понятно, что ее совершенно не волнует ни мебель, ни супруг.

– Мы будем жить в гостевом доме твоего отца всю оставшуюся жизнь? – с ужасом в голосе спросил он. – Часть мебели довольно дорогая, и было бы неплохо использовать ее, когда у нас появится свое жилье. – Он пытался сохранить веру в это без какой-либо помощи с ее стороны.

– Ну, знаешь, чем уж она так хороша? Я не без ума от нее, тем более если купят всю антикварную мебель. – В течение нескольких лет Алана целыми днями напролет занималась тем, что заполняла их квартиру дорогими вещами, а теперь ей ничего не было нужно. Как будто она не хотела, чтобы что-то напоминало ей о тех годах, которые она прожила в Нью-Йорке, и о той неудаче, которая постигла там Питера. Он был раздавлен мыслью о своей неполноценности. Его положение все больше и больше напоминало ему о годах его юности, когда он ничего не мог сделать правильно, и его родители обвиняли его во всех смертных грехах. Алана не обвиняла его, но ей и не надо было это делать. Ее поступки и отказ приехать в Нью-Йорк просто на время, чтобы помочь ему, говорили сами за себя. И она вела себя так, как будто та ситуация, в которой они сейчас находились, не имела к ней никакого отношения, и потому она не собиралась принимать в ней участие. Ее отец дал ей возможность полностью отстраниться от их проблем, и она с радостью ею воспользовалась. Теперь это были проблемы только Питера, но не ее. Она сообщила это ему об этом громко и ясно.

Следующие две недели он провел, упаковывая все те вещи, которые он хотел забрать из квартиры. Транспортная компания привезла ему гардеробные коробки для одежды Аланы, которую она хотела носить в Лос-Анджелесе. Она переделывала сейчас свою детскую комнату в доме отца в гардеробную, где собиралась хранить те вещи, которые ей не пригодятся в Лос-Анджелесе, такие как меха и зимние пальто. В гостевом доме тоже было много гардеробных комнат для остальной части ее гардероба. Питер складывал это все в коробки, предназначенные для отправки в Лос-Анджелес. Туда же он клал одежду и игрушки мальчиков. На самом деле он не знал, что делать со своими личными вещами. Было бы странно отправлять их в Лос-Анджелес. Если он сделает это, значит, даст молчаливое согласие на переезд туда, а он еще ничего не решил. Он хотел остаться в Нью-Йорке до тех пор, пока не найдет работу, даже если некоторое время у них будут неясные отношения. В конце концов, он отправил большую часть своих вещей на хранение вместе с некоторыми книгами и мебелью. Все, что он оставил из одежды, поместилось в два чемодана – ровно столько, сколько ему было нужно в данный момент. Пока он упаковывал вещи, он не вылезал из джинсов и свитера, а на случай деловых встреч и интервью – оставил пару деловых костюмов. Летнюю одежду и свой смокинг он отправил в Калифорнию вместе с вещами Аланы. Там смокинг ему скорее понадобится, когда он будет сопровождать жену на светских мероприятиях. В Нью-Йорке же он вел уединенную жизнь и оплакивал карьеру и ту жизнь, которую они потеряли. Последние три месяца он почти ни с кем не разговаривал. Он испытывал глубокое чувство стыда, глядя на руины своей карьеры. Он не сделал ничего плохого, но чувствовал себя виноватым. Да, это последовало его советам, владельцы фирмы предприняли несколько рискованных инвестиций. Питер всегда был готов идти по самому краю и брать на себя ответственность за риск. Именно благодаря этому поначалу фирма серьезно выигрывала. Некоторые из их рискованных инвестиций давали хорошие результаты, хотя, как и у всех остальных, их инвестиции в недвижимость, как оказалось, имели для них катастрофические последствия. По этой же причине произошло падение «Леман Бразерз» и нескольких других банков. Они не были одиноки в своих ошибках, и, наконец, кризис добрался и до них. Квартира в Нью-Йорке закрылась в течение тридцати дней. Покупатели попытались выбить еще двести тысяч скидки от цены. Они утверждали, что им придется сделать ремонт. Питер согласился разделить с ними эту сумму пополам. Он был рад полученным деньгам, хотя большая часть из них пошла на оплату налогов, ипотечного кредита и некоторых долгов. После всех выплат осталось не так уж много, но вместе с арендой дома в Хэмптоне это была, по крайней мере, хоть и не большая, но «заначка».

День, когда Питер в последний раз вышел из квартиры, стал одним из самых трагичных в его жизни. Он остановился в дверях той ее части, где раньше жили мальчики. Он увидел книгу и игру, которую они забыли в своей игровой, поднял их и сунул их под мышку.

Он медленно прошел через апартаменты, которые занимал вместе с Аланой, миновал проекционную комнату и тренажерный зал со всем оборудованием. Поскольку оно было почти совершенно новое и ультрасовременное, новые владельцы приобрели его вместе с квартирой. Они также купили тяжелые шелковые шторы, на которые в свое время Алана потратила целое состояние, большую часть мебели, которая стояла в гостиных, а также красивые старинные персидские ковры и абиссинский ковер, который лежал у них в спальне. Алана купила его на аукционе «Кристи» в Париже. Все эти вещи являлись символами утраченной жизни, и Питер невольно спросил сам себя, будут ли они опять когда-нибудь так жить, будет ли он в состоянии хотя бы даже приблизиться к такому уровню, и вернется ли его жизнь на круги своя? Это были золотые годы. Они многое воспринимали как само собой разумеющееся, и Питер знал, что у него такого больше не будет. Но он также никогда не терял из виду самого важного для него – Алану и мальчиков. Они были единственной семьей, о которой он заботился. Алана и мальчики были всем в жизни Питера, а сейчас даже больше, чем когда-либо.

Когда Питер освободил квартиру, он переехал в небольшой отель с постоянными жильцами на Ист-Севентис. Он обещал мальчикам вернуться в Калифорнию, как только у него появится возможность. Он пробыл в Нью-Йорке уже целый месяц, который он потратил на продажу квартиры и упаковку вещей, рассылку резюме и контакты с людьми по поводу работы. Он мог бы делать это из Лос-Анджелеса, но он хотел находиться в Нью-Йорке на случай, если кто-то захочет с ним встретиться. Пока никто не захотел. Все были слишком заняты своими собственными проблемами, чтобы думать о найме кого-либо. Но когда Питер уже собрался забронировать билет до Лос-Анджелеса, ему позвонили из инвестиционного банка в Бостоне. Его резюме произвело на них большое впечатление. На протяжении многих лет Питер неоднократно встречался с директором этого банка. Это была солидная, авторитетная фирма. Они не пошли ни на один из тех рисков, на которые в свое время пошел «Уитмен Бробанк», и потому сейчас они все еще твердо стояли на ногах. Они пригласили его приехать на встречу, и Питер с готовностью согласился: главное – пойти на работу, да куда угодно. Чикаго тоже был в его списке возможных мест работы, так же как Сан-Франциско и Лос-Анджелес. Но он предпочел бы работать в фирме, которая расположена на востоке. Он учился в бизнес-школе в Бостоне, так что этот город был ему знаком.

Шел снег, когда Питер приехал туда. Шла вторая неделя февраля. У него были длительные переговоры с советом директоров, после которых его пригласили на обед в столовую фирмы, которая выглядела как мужской клуб. На стенах, декорированных деревянными панелями, висели мрачные портреты основателей банка. Встреча прошла хорошо, хотя он был сильно разочарован, когда в самом конце обеда ему сказали, что в связи с нынешним кризисом у них нет возможности нанять кого-нибудь, но он будет первым в списке кандидатов, когда они возобновят прием сотрудников. Именно по этой причине они хотели с ним встретиться. Но они не имели ни малейшего представления, когда смогут вновь открыть вакансии, так как никто не знал, как долго будет продолжаться экономический кризис. Таким образом, для удовлетворения насущных потребностей и с точки зрения намерений и целей, которые сейчас стояли перед Питером, эта встреча была напрасной. Для него это стало сокрушительным ударом.

Питер поехал в Бостон на машине. Из-за плохой погоды могли отменить вылет рейса, он хотел этого избежать. Он уже собирался взять курс на юг в сторону скоростной автодорожки, когда увидел знакомые места, по которым он добирался из школы домой, когда был мальчишкой. Он почувствовал ностальгию, когда подумал о родителях. Он устал от погони за несбыточной мечтой, которая привела его в Бостон и куда его пригласил банк, чтобы удовлетворить свое любопытство, а вовсе не для того, чтобы предложить ему работу. Он смертельно устал, а затем, как будто по собственной воле, его автомобиль повернул на шоссе,

которое вело в сторону его дома. Единственное, что у него там теперь было, – это дом у озера, который он унаследовал пятнадцать лет назад. С тех пор он в нем ни разу не был, хотя и просил одну соседку раз в год там убираться, чтобы содержать его в порядке. А еще там был брат, которого он не хотел больше видеть ни-ког-да. Не было ни малейшей причины для того, чтобы он вернулся в свой родной город, но сейчас он почему-то вопреки своему желанию упорно двигался в том направлении. Это было похоже на «Сумеречную зону»⁵, когда вдруг перед его глазами начали мелькать знакомые места.

Он позвонил из машины мальчикам, когда повернул в направлении своего родного города Вэр, но ни один из них не ответил, и тогда он позвонил в дом в Лос-Анджелесе, ему сказали, что они еще не вернулись домой после школы. Аланы тоже не было дома, что его совсем не удивило. Питер был погружен в свои мысли и воспоминания, продвигаясь все дальше на север. Когда он увидел последний поворот на Вэр, то осознал, что не собирается ехать туда, и продолжил свой путь по узкому шоссе в сторону дома на озере Викэбоаг. На данный момент это был единственный дом, который он все еще мог назвать своим. Питер вдруг неожиданно понял, что, может быть, прежде чем вернуться в Нью-Йорк, неплохо было бы провести в домике несколько дней, если, конечно, он сейчас пригоден для жилья. У Питера не было никаких срочных дел, и никто его не ждал, так зачем спешить обратно? По крайней мере, он мог взглянуть попристальнее на свое владение и, возможно, подготовить и его к продаже. Было глупо с его стороны так долго цепляться за этот дом. Питер никогда в нем не жил. Причина, почему он так дорожил домиком, банальна – это единственное место на земле, которое вызывало в нем приятные воспоминания о юности.

В его памяти сразу всплыл один летний день, когда они рыбачили вместе с отцом и Майклом. Это был один из тех редких дней, когда отец взял выходной, чтобы повалять вместе с сыновьями дурака. Мама собрала им корзинку с едой для пикника, и они сидели в лодке весь день, вытаскивая одну рыбу за другой. Питер прикинул, что ему тогда, должно быть, было около восьми лет. Тогда Питеру первый раз в жизни невероятно повезло: наловил больше рыбы, чем Майкл, который, как правило, был более удачливым рыбаком. Но, вернувшись домой, Майкл приписал на свой счет больше рыбы, чем он на самом деле поймал. Питер попытался восстановить справедливость, но отец подмигнул ему, намекая на то, чтобы он сохранил правду в секрете и позволил Майклу пережить еще один день славы. Для Питера это стало тяжелым разочарованием. Всегда защищали только Майкла, а его, Питера, – никогда! По непонятным причинам Майкл всегда был любимчиком отца, который нередко подчеркивал, какой Майкл был «хороший мальчик», подразумевая, что Питер был «плохой мальчик». К сожалению, Питер достаточно часто соответствовал описанию. А Майкл знал, как подыграть отцу! Чуть что заводил разговоры про то, что хочет стать врачом, как папа, и это придавало сил и подпитывало эго гордого родителя.

Питер был «назначен» на роль младшего брата: Майкл был всего на двенадцать минут старше, но вел себя так, словно был старше лет на двенадцать. Майкл был настолько послушным, что все похвалы и почести доставались в большинстве случаев ему, как и привилегия исполнять роль старшего брата. Он так серьезно к этому относился, что называл Питера своим младшим братом. Если уж на то пошло, то Питер был неудачник, «ребенок», который закатывал жуткие истерики и явно отставал в развитии. Родители относились к Майклу как к ответственному зрелому человеку. Как назло, Питер действительно долгое время не мог научиться читать. Настороженное, а порой и снисходительное отношение родителей приводило к тому, что Питер еще больше злился на Майкла. Но до того злополучного дня, когда

⁵ «Сумеречная зона» – американский телевизионный сериал (изначально созданный Родом Серлингом в 1960-е, но в 2000-е был выпущен ремейк). Каждый эпизод является смесью фэнтези, научной фантастики, драмы или ужаса, часто заканчивающейся жуткой или неожиданной развязкой.

они вернулись домой и с попустительства отца Майкл соврал о том, сколько рыбы он поймал, Питер очень любил выходные – единственное время, которое отец мог провести со своими мальчиками. Питер любил ходить с отцом на рыбалку и купаться в теплых лучах его внимания. Это были те самые редкие моменты близости, когда отец всецело принадлежал детям.

Питер до сих пор помнил пение сверчков и другие звуки лета, когда они проводили время в доме у озера. Это было одно из самых его любимых мест: хочешь – плавай, лови рыбу или играй в лесу! Переезд к озеру означал приход лета – счастливой поры, когда не надо ходить в школу.

Наконец Питер увидел знакомую дорогу, ведущую к озеру – прошел всего час, как он уехал из Бостона, а казалось – много лет. Он опять повернул. Деревья вдоль дороги казались выше, чем в детстве, и, когда он доехал до узкого перешейка с ржавым почтовым ящиком, свернул на грунтовую дорогу. Он чувствовал, как бьется сердце в груди: так, как будто он ожидал кого-то там увидеть. Прищурившись от света фар собственного автомобиля, он разглядел его – дом, где он проводил лето в детстве. Коттедж стоял темный и пустой. Если закрыть глаза, то при желании можно было услышать, как мама зовет его по имени, а он в это время прячется в деревьях, играя с Майклом. Для него началось было путешествие во времени в место, заполненное опасными воспоминаниями и людьми, которые принесли ему много разочарований. Но его самые ранние воспоминания, связанные с этим местом, были такими же, как у любого самого обыкновенного ребенка. Питер почувствовал, как его сердце забилося чаще, когда он вылез из машины и медленно побрел к дому.

Глава 4

Майкл Макдауэл быстро поднимался по ступенькам небольшого опрятного дома, находящегося в противоположном от его дома и кабинета конце города. Он бывал здесь и прежде. Домик был огорожен аккуратным забором, и перед ним росли отдельные кусты роз, а вдоль дорожки алели последние цветы густого розария. Забор был выкрашен свежей краской. На вид дом был не шикарный, но вполне добротный. Доктор Макдауэл пришел с визитом к пожилому человеку, заболевшему бронхитом. Сет и его жена Ханна были давними пациентами его отца. Их единственная дочь только что приехала из Бостона. У нее был собственный бизнес, и она преуспевала, но была внимательна к своим родителям, насколько это было возможно при такой насыщенной жизни, как у нее. Она сама руководила своим бизнесом, у нее были трое почти взрослых детей, и жила она в трех часах езды от этих мест. Ханна недавно умерла от пневмонии после долгой борьбы с раком, и теперь Барбара была обеспокоена тем, что ее отец так сильно заболел. Выехав из Бостона, она с дороги позвонила Майклу. Они были старыми друзьями, хотя виделись не часто.

Барбара всегда могла положиться на него, когда родители болели и надо было их срочно осмотреть. Он много лет вплоть до самой смерти прекрасно заботился о ее матери. Они часто говорили своей дочери, что Майкл был им как родной сын, которого у них никогда не было. Живя далеко от родителей, она утешала себя тем, что рядом с ними есть такой человек, как Майкл. Она доверяла ему безоговорочно и всегда любила его. Ни у кого не было тени сомнения, что он был местным святым. Он продолжил дело отца, когда того не стало, заботился о всех жителях города. Он отказался от потенциально звездной карьеры анестезиолога в Бостоне, чтобы вернуться и взять на себя общеврачебную практику своего отца в провинциальном городке. Но казалось, что ему здесь нравилось, и он всегда говорил, что не жалеет об успехе, от которого отказался. По тому, как он обращался со своими пациентами, каждый мог сказать, что клиника в Вэре – именно то место, где находилось его сердце. И Барбара, и Майкл были обеспокоены тем, что ее отец потерял волю к жизни после смерти жены полгода назад.

Сет съездившись сидел на диване с одеялом на плечах. Его бил сильный кашель. Вот уже несколько месяцев после того, как он остался один, он отказывался от посторонней помощи – говорил, что может справиться сам. В доме было прибрано, но старик на диване выглядел очень-очень плохо. Ему было восемьдесят пять лет. Его жене было восемьдесят семь, когда она умерла. Они были женаты шестьдесят семь лет и были влюблены друг в друга с детства. Майкл слишком хорошо знал, насколько тяжелой и разрушительной была такая потеря для человека в таком возрасте, и ему совсем не нравилось то, что он видел сейчас.

– Как вы себя чувствуете, Сет? – вкрадчиво спросил Майкл, садясь рядом со стариком на диван и открывая свою сумку. По глазам Сета, даже не прикасаясь к нему, он видел, что у того был жар, но при этом его знобило, словно он замерз.

– Я чувствую себя хорошо, – страдая, старик оставался неизменно вежлив и пояснил, когда Майкл вытащил из сумки стетоскоп: – У меня обычная простуда, доктор. – Он с досадой посмотрел на свою дочь, и она ободряюще улыбнулась. – Нет никакой необходимости суетиться по этому поводу. Пару дней, и я буду в порядке. Барбара приготовила мне суп, и это все, что мне нужно. Она не должна была звонить вам, – ворчал он на свою дочь. Врач улыбнулся.

– Если бы она мне не звонила, то, как вы думаете, я кормил бы свою семью? – сказал Майкл, подшучивая над стариком. У него была спокойная и дружелюбная манера общения, которая хорошо влияла на пациентов, особенно стариков и детей. Доктор Макдауэл был одним из немногих врачей в городе и, вне всяких сомнений, самый популярный. Все ему

доверяли. Он разбирался со всеми их недугами, и если им требовались специалисты для решения более серьезных проблем, он направлял их в Бостон. Но большую часть времени они предпочитали просто видеть его, общаться с ним. – Мне надо как-то зарабатывать на жизнь, знаете ли. Очень хорошо, что Барбара позвонила. – Старик захохотал и, расслабившись, чуть-чуть порозовел. Независимо от того, насколько пациент был болен, в визитах Майкла на дом никогда не было ничего зловещего. От уверенности, которая исходила от него, даже самые опасные ситуации казались менее страшными. Сет никогда не забудет, как обходителен был доктор Макдауэл с его покойной женой. До самого конца Майкл делал все, чтобы она чувствовала себя спокойно. По рекомендации Майкла во время последних дней ее жизни за ней ухаживала медсестра, но дважды в день он сам навещал ее. Покойная жена Сета была так благодарна ему, что оставила Майклу небольшое наследство, очень скромное, так как они не были богатыми людьми. Перед смертью она сказала мужу, что хочет отблагодарить Майкла. Всего десять тысяч долларов, но для них это были большие деньги и прижизненный жест уважения. Майкл был смущен и благодарен, когда получил их. Он сказал Сету, что отложит эти деньги на обучение дочери в колледже. Она хотела поступить на подготовительные курсы при медицинском колледже, когда закончит среднюю школу, поэтому каждый пенни будет очень кстати. У Майкла была постоянная прибыльная практика, но в то же время у него была жена-инвалид и двое детей. Его жена была больна все те годы, что они были женаты. Он женился на ней, когда еще учился в медицинской школе. Как и у всех людей, у него были обязательства и финансовые трудности, поэтому он был удивлен и благодарен за подаренные деньги. Майкл слушал старика, наклонившись со стетоскопом к его груди, и с улыбкой кивал головой. Все, что бы доктор ни говорил и ни делал, не вызывало тревогу в пациентах. Он был сама доброта и знал, как успокоить своих излишне тревожных подопечных.

– Я счастлив подтвердить, что ваше сердце бьется хорошо, – сказал он, шутливо прищурясь, и старик рассмеялся.

– Не знаю, хорошая эта новость или плохая, особенно теперь, когда Ханны уже нет, – сказал Сет с горечью. Майкл знал, как сильно Сет скучал по своей жене. Они с Барбарой оба беспокоились, что Сет умрет от разрыва сердца или просто перестанет есть и начнет голодать. Он и так сильно похудел с того времени, как умерла его жена.

– Хорошая новость заключается в том, что у вас нет пневмонии, мой дорогой. Пока нет, – серьезно добавил Майкл. – Но она разовьется, если вы не позаботитесь о себе. Во-первых, не хочу, чтобы вы выходили на улицу до тех пор, пока у вас не прекратится кашель. Во-вторых, собираюсь выписать вам антибиотики, и вы должны будете их принимать до тех пор, пока они не закончатся, и не прекращать их пить, даже если вы почувствуете себя лучше. Вам также надо будет пить сироп от кашля. Вы можете принимать аспирин от температуры. Он также полезен для сердца. – На протяжении нескольких лет у Сета была сердечная недостаточность, и после смерти жены она усугубилась. – Я бы сказал, что для вас сейчас пришло самое подходящее время, чтобы сидеть в тепле на диване, смотреть телевизор, много отдыхать и прихлебывать теплый суп Барбары. У вас в доме достаточно еды? – спросил его Майкл участливо, но Сет только пожал плечами.

– Я собираюсь прикупить сейчас некоторые продукты, – сказала Барбара тихо. Соседи постоянно приносили ему все эти месяцы запеканки и жаркое, но он ел очень мало и все больше худел. Барбара пыталась уговорить отца поехать вместе с ней в Бостон, чтобы она могла быть рядом, но он сказал, что не уедет из своего дома.

– Сегодня попозже я занесу ваши лекарства, – ободряющим тоном сообщил ему Майкл. – Я хочу, чтобы вы пообещали мне, что будете их принимать, – сказал он строго, когда его пациент недовольно заворчал. Барбару в то же время поразило, что Майкл принесет лекарства на дом. Он всегда прилагал все усилия, чтобы проявить к своим пациентам

дополнительное внимание и никогда не жалел для этого своего времени. Именно поэтому все его так сильно любили.

Перед тем как уйти, Майкл посидел и поболтал с Сетом еще несколько минут. Он никогда не показывал виду ни своим пациентам, ни их родственникам, что он спешит. Казалось, что он готов выслушивать их проблемы до бесконечности, особенно если это были одинокие люди или старики. У Майкла был особый дар общения с возрастными больными. Иногда он сам признавался, что любит их больше всех остальных. Большую часть времени о них никто не заботился.

Барбара спросила его о жене, когда пошла провожать до двери.

– Как дела у Мэгги? – поинтересовалась она. Барбара была на два года старше ее, когда они учились в колледже и когда Мэгги упала на катке, катаясь на коньках. Этот день изменил всю ее жизнь. Теперь Барбара подолгу не видела подругу. Мэгги редко отваживалась выйти из спальни – муж и дочь заботились о ней дома.

– Когда как. По-разному. Но она молодчина! Нам повезло, что у нас есть Лиза, которая ухаживает за ней. Будет трудно, когда наша взрослая девочка уедет учиться в колледж. – Оба родителя надеялись, что она останется рядом с ними. Это будет жертвой со стороны Лизы, но она была предана обоим родителям и сказала, что не будет против.

Майкл помахал рукой, сбегая вниз по ступенькам крыльца. Он сделал еще четыре визита, прежде чем отнес лекарства Сету, и только потом отправился домой. Ему надо было осмотреть новорожденного и трех из его пожилых пациентов. Трудоспособные, как правило, приходили на прием к нему в кабинет, но он всегда был готов прийти по вызову на дом, даже в выходные дни или поздно ночью. Это была его жизнь. Хотя у него была еще одна забота – его семья. Он никогда не хотел совершить головокружительную карьеру, достичь финансового успеха или стать важным человеком. Он был земским врачом, верно служащим своим пациентам. Ему всегда было этого достаточно, в отличие от его брата-близнеца, махнувшего в Нью-Йорк за славой и богатством и приезжавшего только на похороны своих родителей, после которых он больше не появлялся.

Трудно было представить двух братьев более разными, чем они. И это несмотря на то, что они были близнецами! Так сказала их мать, когда они только родились. Еще будучи совсем маленьким, Питер уже был вспыльчивым, а когда стал старше, то вообще начал впадать в буйство. Майкл же всегда был тихим и терпеливым мальчиком. Питера постоянно приходилось наказывать. Майкл редко нарушал дисциплину. Он был нежным и неконфликтным, заботливым и чутким по отношению к своим родителям. Будучи подростком, он всегда выполнял поручения матери и помогал соседям. Он был всеобщим любимчиком, в то время как Питер был в состоянии войны со всем округом.

В школе Питера считали драчуном, особенно часто он распускал кулаки, когда другие дети его дразнили: до двенадцати лет Питер почти не умел читать. Да и потом делал это очень неумело. Каждый, кто осмеливался сказать ему об этом, наверняка получал синяк под глазом или разбитый в кровь нос. Его родители постоянно извинялись за него. На родительских собраниях они всегда краснели за поведение Питера и получали похвалы за поведение Майкла.

Майкл был в числе самых лучших учеников с первого класса до последнего. Он выигрывал все награды в школе и при любой возможности, как правило, когда не слышали родители, командовал своим младшим братом. Питер постоянно дулся и рассказывал им об этом, и, когда они не верили ему, он разбирался сам. С возрастом он опередил Майкла в росте и неоднократно бил его, за что неизбежно получал наказания. Когда он, наконец, уехал из дома, их отец вздохнул с облегчением. Он больше не мог выносить эти драки. Их мать настаивала, что, несмотря ни на что, Питер был хорошим мальчиком, но, учитывая его буйный и непокорный характер и драки с его братом-близнецом и мальчиками в школе, к окончанию

средней школы не было ни одного, кто верил в доброе сердце Питера, за исключением его матери. Майкла было гораздо легче любить.

И повзрослев, именно «старший» сын остался рядом с родителями. Хотя ему нравилось работать анестезиологом в Бостоне, Майкл с нетерпением ждал возвращения в Вэр, как только отец пригласит его в свою практику. Он отказался от своей мечты ради того, чтобы вернуться домой. И когда достиг намеченной цели, он с удовольствием работал в маленьком городке, где пациенты действительно зависели от него. Майкл любил работать рядом с отцом. Он постоянно говорил, что именно этого он всегда ждал. Доктор Пэт, его отец, быстро заметил талант Майкла в обращении с пожилыми людьми и передал ему всех своих гериатрических больных. Все они обожали молодого доктора Майкла, даже больше, чем его отца. Майкл умел сочувствовать и облегчал им утрату их родственников. Рядом с доктором Майклом все чувствовали себя более защищенными. Он не только свято выполнял клятву Гипократа не навредить больному, но делал хорошего больше, чем любой известный им врач, даже его отец, который к старости стал немного сварливым и менее терпеливым. Майкл был бесконечно терпеливым, бесконечно заботливым и опытным врачом, которого все любили.

Майкл припарковался около своего дома сразу после восьми вечера. Он жил в доме, который раньше принадлежал его родителям. Прошло уже пятнадцать лет, как он переехал в него после смерти матери. Она оставила ему этот дом в наследство. Это был большой, с многочисленными пристройками старый особняк, который прекрасно подходил ему, Мэгги и их детям. Биллу было семь лет, а Лизе годик, когда они переехали сюда.

Майкл женился на Мэгги двадцать три года тому назад. Они знали друг друга с детства, хотя поначалу он не обращал внимания на нее. Она больше дружила с Питером.

Но несчастный случай на катке, когда ей было двадцать, свел их вместе. Она пролежала в коме в течение нескольких месяцев. В то время он учился в медицинской школе, и как только она начала восстанавливаться, он каждый раз, когда приезжал домой, навещал ее. Он проявлял по отношению к ней искреннюю заботу и удивил всех, когда год спустя женился на ней, несмотря на ее хрупкое здоровье. Этот поступок еще больше повысил мнение людей о нем и до сих пор способствовал незыблемости его репутации. После несчастного случая Мэгги была неспособна к нормальной семейной жизни. Майкл поддерживал в ней жизнь, и они были благодарны судьбе и богу, который наградил их двумя детьми.

Третий ребенок был зачат через два года после рождения Лизы, их второго ребенка, но Мэгги физически была так слаба тогда, что Майкл настоял, чтобы она сделала аборт по медицинским показаниям. У них уже были два здоровых ребенка, что само по себе было чудом. И он сказал ей, что не хочет потерять обожаемую жену из-за воображаемого третьего ребенка. Он был уверен, что у нее не хватит сил выносить весь срок еще одного ребенка. Она погоревала, но согласилась, так как всегда безоговорочно доверяла Майклу свое лечение. Она верила в то, что он всегда знает, что лучше для нее. Когда они ждали появления на свет детей, он неустанно заботился о жене и приглашал акушера, только чтобы помочь ее довести до больницы. Он никому не доверял уход за ней, только себе. Она знала, что никто не любит ее так, как он, и никто не знает ее лучше него. Майкл поддерживал в ней жизнь, несмотря на катастрофические последствия несчастного случая. Мэгги было всего двадцать, когда это случилось, и она была талантливой, подающей надежды на славное будущее фигуристкой. Она каталась с друзьями на катке, когда кусок коры, вмерзший в лед, попал ей под конек. Она полетела кубарем и ударилась затылком об лед. У нее был перелом черепа. Увидев, как она лежит без сознания на льду, все подумали, что она умерла. Ее доставили в Бостон, где она пять месяцев пролежала в коме. Ей сделали операцию, чтобы уменьшить давление на мозг. Врачи были не в состоянии предсказать, насколько серьезными могут быть последствия травмы, даже если она выживет. Ее родители были вне себя от радости, когда Мэгги вышла из комы. Она была единственным ребенком, и они души в ней не чаяли.

Мать выходила Мэгги и приложила все усилия для ее реабилитации. Вначале Мэгги была не в состоянии ходить. Но потом терапевты научили ее заново передвигаться, хоть и пошатываясь, оттого, что двигательные функции одной ноги так и не восстановились. Молодая и красивая, она передвигалась так, как ходят дряхлые старики после инсульта, и все же она ковыляла на своих ногах! Она мечтала ходить, танцевать и носить высокие каблуки. Но этому не суждено было сбыться. Мэгги научилась передвигаться, но не очень уверенно, и часто больная нога подводила ее. У нее было прекрасное чувство юмора, и она с мужеством переносила свое состояние, но испытывала разочарование от того, что никогда не сможет улучшить свое здоровье. Долгое время еще одним наиболее заметным осложнением после травмы была невнятная речь. Ей пришлось заново учиться говорить, так же как и ходить. Со временем ее речь восстановилась, а проблемы с ногой так и остались. Она оставалась такой же красивой девушкой, как и до несчастного случая. Но сначала она с трудом разговаривала и иногда забывала слова. Люди думали, что у нее теперь проблемы не только с речью, но и с головой. Но это было не так, хоть порой она и производила такое впечатление.

Друзья, которые жалели Мэгги, но были очень заняты своими делами, стали навещать ее все реже и реже. И только Майкл регулярно приходил к ней в гости, как только ее выписали домой из госпиталя. Он начал понимать, какой она была замечательный молодой женщиной, приносил ей книги, журналы и маленькие подарки, всегда успокаивал ее по поводу ее состояния и высоко оценивал успехи, которые она делала. Иногда Майкл выводил Мэгги на прогулку, крепко держа за руку, и подбадривал, чтобы она не нервничала. Он сказал ей, что теперь у нее всегда будет слабое здоровье и она будет легкой добычей для инфекций и заболеваний, после того как ее организм так ослаб. Больше всего его беспокоило, что в будущем ее может разбить паралич. Он настаивал на том, чтобы она держалась подальше от людей, чтобы не подцепить инфекцию. Это могло стоить ей жизни.

Он продолжал составлять ей компанию дома, когда остальные успокоились и совсем перестали приходить. В присутствии Майкла она чувствовала себя защищенной. Его не волновало, что она так странно говорит и так неуверенно держится на ногах. Он бежал к ней всякий раз, как только мог, несмотря на загруженность в медицинской школе. И он стал для нее необыкновенной опорой и утешением, когда через год после несчастного случая с Мэгги ее мать погибла в автомобильной катастрофе. Это была невосполнимая потеря для нее и ее отца. А вскоре после похорон Майкл поразил всех, когда сделал Мэгги официальное предложение. Всем было очевидно, что у Мэгги всегда будет хрупкое здоровье. Мэгги сама была убеждена, что теперь из-за ее неуклюжей речи и неловкой походки ни один мужчина никогда не обратит на нее внимания. Вместо этого Майкл заставил ее почувствовать себя самой любимой женщиной на свете. Она была на седьмом небе от счастья, что у нее есть он. Ее отец тоже испытал чрезвычайное облегчение. Теперь, когда не стало ее матери, отец переживал за Мэгги еще больше. С утра до вечера он был занят на своей лесопилке, и у него совсем не было времени ухаживать за дочерью. Он знал, что Майкл всегда будет заботиться о ней. Их помолвка стала для него большим утешением. Он не мог желать для своей дочери-инвалида лучшего, чем выйти замуж за преданного врача.

Свадьба Майкла и Мэгги была скромной и прошла в приватной обстановке. Мэгги не хотела огласки и большой шумной свадьбы, так как она не могла плавно пройти по проходу между рядами в церкви. Она боялась, что может споткнуться или упасть, или что она будет заикаться, или невнятно произнесет слова клятвы. Майкл не возражал ни против скромной церемонии, ни против того, что у него будет жена с физическими недостатками. Ее лечащий врач в Бостоне, который наблюдал ее после несчастного случая, сказал, что с ней все абсолютно нормально, за исключением неловкой походки. Он был уверен, что с помощью логопеда со временем она научится говорить лучше, да и ее нога тоже будет лучше работать. Он не согласился с Майклом по поводу ее потенциальной уязвимости, и сказал, что это

были просто страхи молодого влюбленного врача. Доктор Мэгги считал, что Майкл слишком сильно переживает за нее и относится к ней преувеличенно бережно, как к фарфоровой кукле.

Но эти доводы не переубедили Майкла в том, что у Мэгги хрупкое здоровье. Каждую зиму она становилась жертвой тяжелых форм гриппа, несколько раз у нее была пневмония, такая сильная, что Майклу пришлось ее госпитализировать, так как он реально опасался за ее жизнь. Когда она поправилась, он уговорил ее не выходить из дома в течение нескольких месяцев. Он не хотел, чтобы она подвергалась риску, встречаясь со случайными микробами. В то время, когда он учился в медицинской школе, они жили в квартире в Бостоне. Когда Мэгги была беременна их первым ребенком, Майкл лично укладывал ее отдыхать в кровать. За это время она не видела ни одного акушера и ни одного врача, кроме Майкла. У нее не было в этом необходимости, так как Майкл взял все заботы на себя и делал это лучше кого-либо другого. Но долгие месяцы, проведенные в постели, привели к тому, что ее ноги ослабли и стали еще более неустойчивыми. Она едва могла ходить после того как родила, и, чтобы не упасть и не поранить себя, она перемещалась несколько месяцев в инвалидном кресле. Это была лишь скромная плата за появление на свет красивого мальчика, которого они называли Уильям. Мэгги была счастлива, ей было горько только от того, что она была слишком слабой, чтобы ухаживать за ребенком, и Майкл это чувствовал. Они по очереди кормили мальчика, когда Майкл был дома. Уильям рос крупным и смазливym. За то время, пока Майкл заканчивал ординатуру по курсу анестезиологии, Мэгги удалось немного окрепнуть. Она снова начала лучше ходить, хотя ей было трудно ухаживать за малышом, и она всегда испытывала облегчение, когда Майкл приходил домой – она переставала бояться, что может травмировать ребенка. Майкл сильно переживал за психологическое состояние Мэгги. Он неохотно признался ей, что человек после такой травмы головы, какую перенесла она, гораздо более подвержен риску инсульта или кровоизлияния в мозг. И произойти это может в любом возрасте. Мысль, что это может случиться в тот момент, когда она будет пеленать ребенка, например, приводила Мэгги в ужас, и они наняли няню, чтобы ребенок находился в безопасности, а его мама могла больше отдыхать. Она скучала по своим прогулкам с Билли в парке и всякий раз, когда он возвращался домой, встречала его с распростертыми объятиями. Он был радостью ее жизни, как и его отец.

Все стало проще для них, когда отец Майкла пригласил его присоединиться к его практике, и они вернулись в Вэр. Она легко нашла девушек, которые ей помогали. Когда Мэгги была беременна Лизой, Майкл снова уложил ее в постель, на этот раз на восемь месяцев. Это ужасно ее ослабило, но роды прошли легко и без осложнений, и на свет появилась здоровая девочка. После восьми месяцев постельного режима Мэгги так ослабла, что после родов она упала в их спальне. После этого случая Майкл настоял на том, чтобы она использовала ходунки. Она стеснялась, но он был непреклонен. Он не хотел, чтобы она серьезно поранилась или снова ударилась головой. Он был убежден, что во второй раз она не выживет. Через год после рождения Лизы его родители умерли, и они переехали в родительский дом. Единственное неудобство заключалось в том, что в доме было несколько лестничных пролетов, которые Мэгги было трудно преодолеть. Ей было категорически запрещено подниматься и спускаться по лестнице самостоятельно. Когда Майкл вечером возвращался домой, он на руках сносил ее вниз и осторожно клал на диван, где мог следить за ней. Но в то время, когда он отсутствовал, он не хотел, чтобы она бродила по дому по разным этажам. Это сильно ограничивало ее передвижение. Она сходила с ума и буквально лезла на стену, слыша, как ее дети играют внизу с няней, пока их мать не может спуститься вниз и присоединиться к их веселью. Мэгги должна была ждать, пока они сами не поднимутся к ней или пока Майкл не вернется домой и не снесет ее вниз в гостиную.

Несколько раз она предлагала ему купить одноэтажный дом, чтобы она могла передвигаться по нему с ходунками, но каждый раз Майкл сильно расстраивался при мысли о продаже дома его родителей. После всего, что он сделал для нее, у нее язык не поворачивался настаивать на этом. Кроме врачебной практики он отказался от всего в жизни ради того, чтобы ухаживать за ней. Вот почему она в очередной раз послушалась его, когда он настоял на том, чтобы она прервала третью беременность. Мэгги доверяла ему безоговорочно. Майкл был всегда прав, когда речь шла о ее здоровье. И он был прав, когда говорил, что ее здоровье с годами будет становиться все хуже. Майкл твердил об этом постоянно, так что это казалось неизбежным.

В последние годы ей пришлось пережить большое потрясение и испытать огромное горе в связи со смертью ее отца и переездом их сына Билла в Лондон, куда он уехал учиться несколько лет тому назад. Ему было сейчас двадцать два года, и она ужасно скучала по нему. Он почти не приезжал домой, хотя они часто звонили друг другу и общались по электронной почте. Майкл переживал, что те удары, которые она перенесла за эти годы, в очередной раз повлияли на ее здоровье, и оно заметно ухудшилось.

Дочь Лиза была их гордостью и радостью. Она хотела стать врачом, как и ее отец, и она очень умело справлялась с обязанностями сиделки, когда Мэгги чувствовала себя слабее, чем обычно, или особенно плохо. Ее здоровье медленно ухудшалось в течение многих лет, и им всем начинало казаться чудом, что в свои сорок четыре года она еще была жива. Она осталась жива после несчастного случая, который произошел двадцать четыре года назад, но как и предсказывал Майкл, ее здоровье заметно ухудшилось с течением времени. Недавно ей поставили диагноз болезнь Паркинсона, который стал источником большого беспокойства для Майкла. Он старался не расстраивать и не пугать ее, но она постоянно видела тревогу в его глазах.

Он был преданным обожающим ее мужем. Мэгги была безмерно благодарна ему за его щедрую доброту, за их детей и их совместную жизнь. Она часто испытывала чувство вины за то, как мало она может сделать для них. Большую часть времени она сидела в спальне, как в ловушке, заключенная в собственное тело. По мере того как болезнь Паркинсона прогрессировала, она почти перестала ходить самостоятельно, только с ходунками. Майкл посчитал разумным, чтобы она передвигалась в инвалидной коляске. Он не хотел, чтобы она упала и снова ударилась головой. Он делал все возможное, чтобы защитить ее. Большую часть времени Мэгги чувствовала себя бесполезной.

Без сомнения, дети были для нее главным источником радости. Лиза была неутомимым помощником, ухаживая за ней буквально дено и ночно. Но, несмотря на свою немощь, Мэгги удавалось получать радость. По своей природе она была веселым и оптимистичным человеком, но из-за постоянных одергиваний Майкла за эти годы она превратилась в параноика, который волнуется о своем здоровье. Размышления о том, что однажды она покинет мужа и детей, травмировали ее и усугубляли душевное состояние. Она боялась смерти, которая должна прийти задолго до того, как она будет к этому готова. Мэгги старалась не думать об этом слишком много, но призрак ее ухудшающегося здоровья и что это могло для всех них значить, всегда присутствовал.

Вместо того чтобы заикнуться на этой мысли, благодаря рождественскому подарку она отвлекалась, погружаясь в Интернет, и стала зависеть от компьютера. Это был волшебный ковер-самолет, на котором Мэгги путешествовала по миру. Майкл выражал недовольство, говоря, что ее это утомляет, и приводил в замешательство, предоставляя ей непроверенные факты с медицинских сайтов. Но благодаря прекрасному ноутбуку, подаренному, она могла делать покупки для Лизы на И-Бэй, в любое время писать в Лондон электронные письма, узнавать увлекательные факты об истории, искусстве и путешествиях, которые она никогда не сможет совершить. Интернет дал ей доступ к огромному новому миру. Похоже,

она была в курсе всех событий, происходящих на земном шаре, и интересовалась всем на свете. Приходя домой, Майкл иногда начинал смеяться, когда она объявляла о каком-то непонятном мировом событии или факте, о котором он никогда не думал и о котором у него не было нужды знать. Она была ненасытна в своей страсти к информации и знаниям. Время от времени Мэгги заходила в чаты и переписывалась с людьми, с которыми она никогда не была знакома и в любом случае не смогла бы познакомиться. Она просматривала странички своих старых друзей на Фейсбуке, хотя сама не была там зарегистрирована.

И время от времени, хотя она редко признавалась Майклу в этом, она искала в поисковой системе Гугл статьи и медицинские подробности о своем здоровье. Она хотела узнать больше о своих недугах, так как Майкл иногда скрывал от нее суровые факты, чтобы защитить ее. Но она всегда видела в его глазах глубокое беспокойство за нее. Последнее время она постоянно читала про болезнь Паркинсона, так как два года назад Майкл поставил ей этот диагноз. Она знала, что Майкл всегда мог лучше всех рассудить, что было полезнее всего для нее, но она хотела быть в курсе своего здоровья и постоянно читала что-то новое о своих болезнях в Интернете. Она вовсе не хотела, чтобы Майкл подумал, что она ставит под сомнение его медицинские заключения, поэтому она почти никогда не упоминала о том, какие медицинские исследования она проводит. Он был так предан ей, что она не хотела расстраивать его. И он говорил, что многие медицинские данные в Интернете были неточными. Но в любом случае ей было интересно. У нее был ненасытный информационный аппетит. Недавно она переписывалась с одной женщиной, с которой она «встретилась» в чате для лежащих больных. Они были одного возраста, хотя Мэгги была дольше прикована к дому. Ее новая подруга находилась в инвалидной коляске в течение десяти лет после автомобильной аварии. И они обменялись информацией о болезни Паркинсона, когда обнаружили, что у них обеих была эта болезнь. Мэгги испытала некоторое облегчение, когда узнала, что у нее симптомы были менее выраженными, чем у ее респондента, хотя она не сказала ей об этом. Она казалась хорошей женщиной, и они переписывались несколько раз в неделю. Майкл часто предупреждал ее о том, что необходимо соблюдать меры предосторожности, иначе можно стать жертвой опасных мошенников, которые орудуют в Интернете, но Мэгги не беспокоилась по этому поводу. Она весело болтала с людьми в чатах.

Прежде всего, Мэгги наслаждалась свободой, которую ей дал Интернет. Иногда она сидела за компьютером весь день, изучая новости и читая о том, что ее очаровывало. Вначале это раздражало Майкла, и он ругал Билла за его подарок матери, который отнимал у нее последние силы. Билл яростно защищал право своей матери на исследование Интернета, и Майкл знал, что он проиграл битву. Мэгги все нравилось, особенно те двери, которые Интернет открыл перед ней. Она стала мастером покупок через интернет-магазины. Не вставая с кровати, два года тому назад она обставила столовую мебелью из Икеи.

Прежде всего, это было удовольствие для нее. Она с благоговением относилась к драгоценному подарку своего сына. Она отправляла ему по несколько электронных писем в день, на которые он отвечал ей со своего смартфона. Каждый раз, когда он приезжал домой, он обещал, что смартфон станет его следующим подарком для нее, хотя у него не было таких планов на данный момент. Она ужасно скучала по сыну, но всегда пыталась казаться веселой, когда сообщала ему, как дела дома. И она никогда не жаловалась на здоровье. Она не хотела расстраивать сына и сообщала ему только оптимистичные новости.

В последнее время она даже начала смотреть фильмы на своем компьютере. Иногда, когда не надо было делать домашнюю работу, к ней в спальню приходила Лиза, садилась на кровать, и они вместе смотрели кино. Компьютер стал для Мэгги самым важным приобретением в жизни. Он предоставлял ей информацию, давал возможность убежать от реальности, получать развлечения и знания. Он был спасением для тех, кто проводил большую часть своей жизни в постели. Интернет добавил в ее жизнь совершенно новое измерение.

Но был в ее жизни еще один великий подарок судьбы – Пруденс Уолкер, которая приходила три раза в неделю, чтобы убраться в доме и приготовить для Мэгги обед, когда Лиза не могла вернуться из школы, а Майкл был слишком занят с пациентами. Пру было почти семьдесят лет. Она вырастила шестерых детей и обладала безграничной энергией, хоть и считала, что увлечение Мэгги Интернетом было немного странным и, возможно, даже опасным. У нее в доме не было даже микроволновой печи, и она была уверена, что проводя так много времени за компьютером, в конечном итоге Мэгги подхватит какую-нибудь страшную болезнь, которая ее убьет. Она часто предупреждала ее об этом. Но во всем остальном женщины по многим вопросам сходились во мнении, и Пруденс очень любила Майкла: его отец помог появиться на свет всем ее шестерым детям.

Пру была вдовой и любила помогать Мэгги, а для Мэгги это была счастливая возможность поговорить с кем-то помимо Майкла и Лизы, которые были оба занятыми людьми. Пру приносила книги и журналы, которые просила Мэгги, и брала для нее книги из библиотеки. И женщины смеялись и болтали, пока Пру старательно убирала в доме и ворчала по поводу того, сколько накопилось пыли со времени последней уборки. Ее совершенно не интересовали те дела в мире, которые волновали Мэгги, но она всегда прекрасно разбиралась во всех местных сплетнях, которые Мэгги любила слушать, хотя почти ни с кем больше не общалась. Майкл был настолько сдержан, что никогда ей ничего не рассказывал, а Лиза была слишком молода, чтобы интересоваться делами взрослых в Вэр. Ее волновало лишь то, что происходило в школе. Пру Уокер заметно оживляла жизнь Мэгги и была находкой для нее. Она убиралась у них в доме уже пятнадцать лет, с тех пор, как они переехали в дом родителей Майкла. Это был большой старый дом с многочисленными пристройками, и рук Майкла и Лизы было совсем недостаточно, чтобы содержать его в порядке. Мэгги с удовольствием выслушивала каждый комментарий о местных новостях и всякие мелочи обыденной жизни местных жителей, которые ей сообщала Пру. Благодаря Пру и Интернету Мэгги знала обо всех понемножку.

Когда в конце своего рабочего дня Майкл поднялся по лестнице и вошел в переднюю дверь, он повесил в прихожей шляпу и пальто. Из кухни доносились вкусные запахи еды. Час тому назад ему позвонила Лиза и спросила, когда он будет дома. Из-за болезни матери она часто вела себя больше как жена, чем дочь. В шестнадцать лет она великолепно справлялась с домашними делами. Майкл часто приходил домой в обеденный перерыв, чтобы покормить обедом Мэгги, если не было Пру, но все остальное делала Лиза. Она готовила ужин и покупала продукты, и, несмотря на ее домашние обязанности, Лиза умудрялась учиться в школе на одни пятерки. Лицо Майкла осветила улыбка, как только он увидел ее, медленно выплывающей из кухни с фартуком, повязанным поверх короткой джинсовой юбки. Она поздоровалась с ним и ответила такой же радостной улыбкой.

– Привет, пап, как прошел твой день? – Она была счастлива его видеть. В доме всегда было слишком спокойно, пока он не возвращался домой. Готовя обед, она сделала свою домашнюю работу по математике. Лиза запекла баранью ногу по рецепту, который взяла из журнала. У нее всегда был готов горячий ужин, и они с отцом поднимались с подносом наверх в комнату матери, когда она не очень хорошо себя чувствовала, чтобы можно было снести ее вниз. В последнее время это происходило все чаще. К ужасу Майкла болезнь Паркинсона прогрессировала быстрыми темпами. Он никогда не говорил об этом с Мэгги и Лизой, но Мэгги все понимала по его глазам, когда он осматривал ее.

– У меня был довольно хороший день. Но сейчас еще лучше, когда я пришел домой и увидел тебя. Как мама? – торопливо спросил он ее, крепко сжимая в своих объятиях. Он был очень похож на Питера, но более коренастый и поменьше ростом. Питер всегда был высокий, худой и смотрелся интереснее. У Майкла было более мощное строение тела. Он был похож на белого плюшевого медведя, когда держал дочь в своих объятиях.

– Мама, кажется, сегодня довольно хорошо себя чувствует, – сказала Лиза, широко улыбаясь. Ее глаза плясали, когда она смотрела на своего отца. Он был героем ее жизни и жизни практически каждого, кто жил в Вэр. И, конечно, Мэгги тоже.

– Сбегаю к ней перед тем, как сядем ужинать. Что у нас сегодня на ужин? Я умираю от голода. – В обед он перекусил на ходу, и после этого у него совсем не было времени что-нибудь поесть. Как правило, он начинал работу в семь утра с посещения больных на дому. Сегодня у него был длинный день. И единственной мечтой Лизы было когда-нибудь приобщиться к его работе и пойти по его стопам. Так же, как это сделал Майкл по отношению к своему отцу. Конечной целью Лизы было работать с ним.

– Нога ягненка. Новый рецепт, – сказала она с гордостью. Она унаследовала темные волосы своей матери и голубые глаза отца. Она была такая же маленькая, как и ее мать, но в отличие от Мэгги не выглядела хрупкой. Мэгги много лет была практически прикована к постели и была очень худой – у нее был очень плохой аппетит. Ее всегда надо было заставлять поесть, особенно в последнее время. Лиза была полнее, с женственной фигурой. Когда она заворачивала свои длинные темные волосы в узел на затылке, как сейчас, она была похожа на балерину. Майкл побежал вверх по лестнице, чтобы увидеть Мэгги. Она лежала на кровати, держа свой компьютер на коленях. Когда он вошел в комнату, она засияла от радости. Он был настолько энергичным и живым, как глоток свежего воздуха в ее комнате.

– Привет, дорогая, – сказал он бодро. – Длинный день! Ты наверняка сильно устала. – Она не видела его с самого завтрака. Она всегда беспокоилась о нем, так же как и он о ней. Он улыбнулся, когда увидел, что она смотрит документальный фильм о Японии на своем компьютере. Это было путешествие по храмам в Киото. Он наклонился над кроватью и поцеловал ее, и как только он это сделал, он нахмурился, но потом смягчил выражение лица, чтобы не беспокоить Мэгги, но она успела заметить смену настроения. Она знала, что означали все его выражения лица – с ней опять творилось что-то неладное.

– Что-то не так? – вдруг встревожилась она. Он был барометром состояния ее здоровья. И она всегда могла прочитать по его глазам, как обстоят ее дела, независимо от того, что он говорил. Ей были известны все молчаливые сигналы, хотя он добросовестно пытался их скрыть. Она знала его как облупленного.

– Тебя опять знобит? – спросил он небрежно, вытащив аппарат для измерения давления из тумбочки рядом с ее кроватью. Она послушно выключила свой компьютер.

– Нет, я чувствую себя хорошо. На самом деле, очень хорошо. Я хотела бы спуститься вниз, чтобы сегодня мы могли поужинать вместе. Пахнет так вкусно! – В воздухе аппетитно пахло чесноком, и от этого мысль об ужине становилась еще более привлекательной.

– Давай посмотрим, что нам говорит волшебный насос, – сказал он, наклонился и снова поцеловал ее. Он накачивал манжету до тех пор, пока она плотно не сжала ее руку, а затем выпустил воздух и снова нахмурился. Она с уверенностью могла сказать, что ему не понравилось то, что он увидел, но он быстро снял манжету с ее руки, чтобы она не успела увидеть результат. Он не любил беспокоить ее. Но она была хорошо осведомлена о том, что у нее плохое здоровье, которое медленно, но неуклонно ухудшается.

– Плохо? – обеспокоенно спросила она. Он немного помолчал, прежде чем ответить. Она знала, что это означает, что все плохо. У нее часто было низкое давление, которое приводило к головокружениям. Но сегодня вечером она чувствовала себя крепкой и оптимистичной, по крайней мере до этого момента.

– Конечно, нет, – заверил он ее. – Но я не думаю, что тебе следует спускаться вниз сегодня. Я хочу, чтобы ты осталась здесь и отдохнула. – Она не смогла подавить вздох разочарования, как ребенок, которому сказали, что праздник на его день рождения отменяется. Она ждала встречи с мужем весь день и весь вечер и предвкушала тот час, когда поужинает с ним и с Лизой. Майкл не разрешал ей спускаться вниз к ужину всю неделю. Она привыкла к

этому, но душой оживала, когда проводила время с ними. Ее больше никто не навещал, кроме Пру, которая приходила убратся у них в доме. Она слишком долгое время находилась взаперти. После того как ее сын уехал в Лондон, единственными людьми во всем мире для нее были муж и дочь. Майкл не рекомендовал соседям, знакомым и давним друзьям посещать ее, потому что он не хотел, чтобы она подхватила какую-нибудь инфекцию. С тех пор как случился несчастный случай, у нее были слабые легкие. Иммуитет резко снизился: любая простуда могла закончиться для Мэгги летальным исходом. Иногда он даже просил Пру не приходить, если Мэгги болела или у Пру был обыкновенный насморк.

– Я мечтала спуститься к ужину. – Она умоляюще смотрела на него. – Поверь, сегодня я чувствовала себя действительно очень-очень хорошо. – Но теперь, увидев выражение его глаз, она поняла, что у нее немного кружится голова. Может быть, он был прав.

– Мы не хотим, чтобы ты выпала из своей инвалидной коляски, – сказал он мягко. Она надеялась воспользоваться ходунками, но не захотела настаивать на своем. Если она упадет и больно ударится, это сильно расстроит и его, и Лизу, а ей не хотелось портить им вечер. Она была обузой для них, и она это знала. – Я принесу тебе ужин сюда. Ты можешь включить фильм. – Она уже посмотрела два за сегодняшний день и хотела только одного – поужинать вместе со своей семьей, что удавалось ей сейчас все реже и реже. Болезнь Паркинсона прогрессировала: Мэгги плохо держалась на ногах. И из того, что она вычитала в Интернете, она знала, что в конечном счете ее состояние будет еще хуже.

– Ладно, – сказала она печально, когда он снова поцеловал ее и вышел из комнаты. Он вернулся через пять минут с подносом, который Лиза приготовила для нее, с красивой льняной салфеткой под приборы и полотенцем. Как бы ей хотелось, чтобы не дочь, а она сама могла сервировать стол.

– Ужин в номер, миледи, – сказал Майкл с низким поклоном и поставил поднос ей на колени. Это невыносимо! Как же она устала сидеть одна в своей комнате! Но она не рискнула попросить их, чтобы они поднялись к ней со своими подносами. Они имели право на полноценный ужин. Уставившись на поднос, который он ей принес, она почувствовала, что больше не голодна. Пахло вкусно, но она не могла запихнуть в себя ни кусочка. Она просто сидела, глядя на дымящуюся баранину, а по ее щекам катились слезы. Пока она лежала в спальне, вся ее жизнь прошла мимо нее. Слава богу, что у нее есть Майкл и дети! Она взяла вилку и начала играть с едой. Надо было съесть хоть что-нибудь, чтобы не обидеть Лизу. Как и ее дочь, она тоже была похожа на балерину, но после того, как вся ее жизнь прошла в болезнях, она больше походила на куклу, которую аккуратно положили на кровать. Именно так Майкл относился к ней. Она была куклой, в которой он поддерживал жизнь с того дня, как они поженились, и она была благодарна ему за это. Она думала о том, чтобы отправить письмо по электронной почте, но не хотела, чтобы он почувствовал, как ей грустно. Он хорошо знал ее и понимал иногда даже лучше, чем его отец.

Внизу Майкл и Лиза смеялись, сидя за кухонным столом. Она без умолку щебетала о том, что случилось в школе за день, и о своих друзьях, но ее лучшим другом был отец. Она рассказывала ему все и всегда просила его совета. Она не могла делать это с матерью – ее всегда учили, что мать надо ограждать от всех неприятностей и заботиться о ней почти как о ребенке. И ее отец предупреждал Лизу и брата, когда они были маленькие, чтобы они не нервировали свою мать – Мэгги была слишком слабой. В конечном итоге со всеми своими радостями и переживаниями они обращались не к матери, а к отцу. Мэгги провела всю свою жизнь на обочине, с того рокового дня, когда она каталась на коньках на пруду. Лиза и ее отец оживленно обсудили все новости городка друг с другом. Потом он помог ей убрать посуду, и все это время они болтали. Как и дочь, Майкл не мог дождаться того дня, когда она начнет работать вместе с ним. Это было мечтой всей его жизни, и, повзрослев, она стала мечтать о том же. Они были родственными душами. Было уже начало одиннадцатого, когда

Майкл пошел наверх к Мэгги, а Лиза отправилась в свою комнату, чтобы смотреть телевизор и болтать с подружками по телефону. Мэгги не спала, когда он вошел в комнату. Было видно, что ей скучно и одиноко. Она отключила на ночь компьютер и молча лежала, переживая о своем здоровье после визита Майкла в ее комнату перед ужином. То, что она прочла в его взгляде, окончательно испортило ей настроение. Иногда ей хотелось, чтобы он и Лиза не сидели так долго за ужином, но у них всегда было много тем для разговоров, а ей почти нечем было поделиться, так как она ничего не делала целыми днями и была изолирована от внешнего мира. Она могла им рассказать только о том, что узнавала через Интернет. Ее муж и дочь общались с реальными людьми и жили в реальной жизни.

– Устала? – спросил он ее, присев к ней на кровать и внимательно посмотрев на нее. В его взгляде она опять увидела что-то, похожее на мимолетную тень беспокойства. Это всегда пугало ее.

– Нет, я в порядке, – сказала она, улыбаясь, и взяла его за руку. Он взял ее бледную с изящными пальцами ладонь и нежно сжал в своей руке.

– Через несколько минут дам тебе снотворное, дорогая, – пообещал он, словно она с нетерпением ожидала этого. Но это было не так.

– Не надо. Я пока не хочу спать. Давай поговорим еще немного. – Он засмеялся, когда она сказала это, словно она предложила что-то совершенно детское и нелепое, как, например, пойти в зоопарк ночью.

– Посмотри. Я встал в пять утра и посетил своего первого пациента в семь. Потом сделал одиннадцать домашних визитов, потом у меня были приемные часы, и в общей сложности я отработал сегодня двенадцать часов. – Затем он взглянул на часы. – А завтра я должен встать рано, через семь часов прозвонит будильник, чтобы начать все заново. Если ты ожидаешь от меня в этот час интеллектуальной беседы, любовь моя, то я боюсь, что ты будешь серьезно разочарована. Даже без снотворного я усну раньше тебя! И у меня нет времени на обсуждение новостей из Гугл за сегодняшний день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.